Научно-Популярная
БИБЛІОТЕКА
№ 9 Ц. 50 к.

MARX MOMMSEN

Вл. Горнъ.

Крестьянскія движенія за полтора вѣка.

DANTE VOLTAIRE

1-я серія

книгоиздательство
„ПОЛЬЗА"
В. Антикъ и К°
МОСКВА

М. Слѣпянъ

Вл. Горнъ.

КРЕСТЬЯНСКІЯ ДВИЖЕНІЯ

ЗА ПОЛТОРА ВѢКА.

МОСКВА.
Книгоиздательство «ПОЛЬЗА»
В. Антикъ и К°.

Типографія Русскаго Товарищества, Мыльниковъ пер., с. д.
Телеф. 18-35.

Предисловіе.

Тяжелый кризисъ, пережитый страною, не можетъ не заставить задуматься о тѣхъ условіяхъ, которыя вызвали его появленіе.

Изъ многихъ путей, которыми можно приблизиться къ ихъ пониманію, однимъ изъ наиболѣе плодотворныхъ является методъ историческій. Примѣненіе его необходимо не только въ крупныхъ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ, но и въ популярныхъ изданіяхъ, стремящихся къ научному объясненію развитія того общества, къ которому мы принадлежимъ. Вотъ почему авторъ свой краткій и, по необходимости, схематическій очеркъ исторіи крестьянскаго движенія рѣшился предложить вниманію читателей.

Извлеченіе изъ этой работы напечатано въ коллективномъ трудѣ, посвященному „Общественному движенію начала XX-го вѣка и его исторической подготовкѣ". Но тамъ, согласно съ планомъ изданія, редакція видоизмѣнила тему, ограничившись лишь напечатаніемъ очерка движенія въ пореформенное время и притомъ существенно сокративъ его, особенно экономно удѣляя мѣсто объясненію фактовъ движенія. Между тѣмъ, по мнѣнію автора, аргументированному въ самой предлагаемой работѣ, представляется безусловно необходимымъ прослѣдить историческіе корни и прецеденты борьбы крестьянства, опредѣлившей исходъ только что пережитаго кризиса, изучая фактическія проявленія крестьянскихъ волненій съ половины XVIII столѣтія. Эту именно цѣль и поставилъ себѣ авторъ въ настоящемъ очеркѣ крестьянскаго движенія за полтора вѣка (1762—1904).

Вл. Горнъ.

Оглавленіе.

Постановка вопроса.

Крестьянина можно разсматривать, какъ носителя хозяйственныхъ функцій, какъ производителя и потребителя. Изъ анализа его мѣста въ народно-хозяйственной жизни можно выяснять какъ его нужды и потребности, такъ и заинтересованность другихъ соціальныхъ элементовъ и всего общественнаго цѣлаго въ условіяхъ его существованія. Съ другой точки зрѣнія, крестьянинъ представляется активнымъ борцомъ, который опредѣленными дѣяніями стремится измѣнить въ опредѣленномъ направленіи существующія общественныя отношенія.

Само собою разумѣется, что крестьянинъ, какъ хозяйственная единица и какъ историческій дѣятель—одинъ и тотъ же, что обѣ эти его „стороны" неразрывно связаны одна съ другой. Тѣмъ не менѣе возможно сосредоточить свое преимущественное вниманіе на какой-либо одной изъ нихъ. Мы будемъ изучать активную борьбу крестьянства, ея причины и цѣли, энергію и формы, побѣды и пораженія и, наконецъ, результаты, но только въ смыслѣ вліянія крестьянскаго движенія на активную же борьбу другихъ общественныхъ слоевъ и государственной власти и на измѣненіе характера дальнѣйшей борьбы самого крестьянства.

Первый основной вопросъ для изслѣдователя движенія какой-либо соціальной группы въ извѣстный періодъ исторіи—это вопросъ о томъ, является ли это движеніе абсолютно новымъ, или же, наоборотъ, оно не что иное, какъ простое повтореніе предыдущихъ движеній, или, наконецъ, передъ

нами опредѣленная стадія развивающагося, длительнаго процесса, который, хотя и находится подъ постояннымъ давленіемъ внѣшнихъ измѣняющихся условій, но все же носитъ въ себѣ извѣстную внутреннюю цѣльность и единство, является послѣдовательно развертывавшейся борьбой, въ существенныхъ чертахъ, одного и того же соціальнаго слоя?

Чтобы быть понятымъ, обращусь къ аналогіи.

Вопросъ, который я задаю, равносиленъ слѣдующему: можемъ ли мы въ крестьянскомъ движеніи, mutatis mutandis, видѣть нѣчто подобное движенію рабочаго класса, которое для всѣхъ является долгимъ и прерывающимся, но, тѣмъ не менѣе, единымъ развивающимся процессомъ.

Отвѣтомъ на этотъ вопросъ послужитъ очеркъ исторіи крестьянской борьбы за полтора вѣка.

I.

1762—1861 годы.

Къ моменту воцаренія Екатерины II сложились въ основныхъ чертахъ тѣ условія жизни крестьянства, которыя породили и порождаютъ крестьянскія волненія, совокупность которыхъ и носитъ названіе крестьянскаго движенія.

Къ этому времени помѣщики осѣли на землю и приступили къ регулярному властвованію надъ мужикомъ, при энергичной помощи государственнаго механизма, отданнаго на служеніе первенствующему благородному сословію. Крѣпостные помѣщичьи крестьяне къ началу царствованія коронованной корреспондентки Вольтера составляли абсолютное большинство сельскаго населенія, а если присоединить къ нимъ находящихся въ сходныхъ съ ними условіяхъ приписанныхъ къ поссесіоннымъ, частнымъ и казеннымъ заводамъ крестьянъ, государевыхъ, а частью и дворцовыхъ мужиковъ, то мы насчитаемъ, что подъ прямымъ крѣпостнымъ режимомъ находилось до ²/₃ населенія Велико-

россіи.[1]) Вспомнимъ, что въ то же время была закрѣпощена значительная часть крестьянъ и казаковъ Украйны.

Не требуетъ, конечно, дальнѣйшихъ доказательствъ, что при такой колоссальной долѣ населенія, находящагося въ личномъ подчиненіи власти господина, и остальные разряды „свободнаго“ крестьянства, а также и низшихъ слоевъ городского населенія не могли не находиться въ подобной же зависимости отъ государства и его агентовъ. Всѣ отношенія страны были пропитаны крѣпостническимъ духомъ,—т.-е. господствомъ начала власти, не ограниченной правомъ подвластныхъ,—принципомъ опеки надъ всѣми сторонами жизни массы населенія. Сочетаніе полицейскаго государства и феодальнаго экономическаго строя — вотъ что характеризуетъ крѣпостническую Россію. Достаточно прибавить къ этому, что крѣпостническая Россія сумѣла ассимилировать развивающійся капитализмъ и наградить его присущими крѣпостничеству чертами, чтобы понять, что борьба съ экономическими и политическими моментами крѣпостничества должна была наполнять собою исторію послѣднихъ 140 лѣтъ (1762—1908). Какую же роль игралъ въ этой борьбѣ крестьянинъ?

Обращаясь къ превосходной работѣ В. И. Семевскаго „Крестьяне въ царствованіе Екатерины II“ (т. I и II, изд. 1901—1903 г.), мы можетъ такъ схематизировать развивавшееся движеніе крестьянства. Несчастный императоръ Петръ III, какъ извѣстно, ознаменовалъ свое краткое царствованіе манифестомъ 18 февраля 1762 г., освободившимъ дворянъ отъ обязательной службы государству. Русскій народъ, объяснявшій себѣ крѣпостную свою зависимость отъ господъ именно тѣмъ, что онъ отданъ государемъ на служеніе барину, пока тотъ несетъ царскую службу, отвѣтилъ на этотъ ма-

---

[1]) В. И. Семевскій. „Крестьяне въ царствованіе Екатерины II“ Томъ II. Введеніе.

нифестъ требовательнымъ ожиданіемъ и своего раскрѣпощенія. Это его настроеніе проявилось настолько рѣзко и опредѣленно, что уже черезъ пять мѣсяцевъ правительство вынуждено было не только объявить крестьянамъ, что они попрежнему должны повиноваться помѣщикамъ, но и подкрѣпить это объявленіе... посылкой военныхъ командъ и пушками. Да и какъ было не сдѣлать этого! 700 душъ Татищева и 800 душъ Хлопова, Тверской и Московской губ. „срыли хоромы, разграбили житницы съ хлѣбомъ, забрали обратно оброчныя деньги и послали сказать помѣщикамъ, чтобы они въ свои имѣнія больше не ѣздили“. Хотя команда состояла изъ 400 человѣкъ и была снабжена пушками, крестьяне оказали ей энергичное сопротивленіе, такъ что отрядъ потерялъ убитымъ одного офицера и плѣнными (sic) 64 солдата. Понятно, почему Екатерина, эта императрица, возведенная на престолъ дворянской гвардейской знатью, уже черезъ нѣсколько дней послѣ вступленія на престолъ издала манифестъ, въ которомъ объявляла, что „человѣческіе и божескіе законы“ требуютъ отъ нея „помѣщиковъ при ихъ имѣніяхъ ненарушимо охранять, а крестьянъ въ должномъ имъ повиновеніи содержать“. Но, какъ замѣчаетъ Семевскій, даже ссылка на божескія узаконенія не дѣйствовала, и пришлось аргументировать ...разстрѣлами изъ пушекъ двухтысячной вооруженной рогатинами толпы, бросавшей въ войска камнями и полѣньями и требовавшей освобожденія отъ помѣщика и зачисленія въ дворцовые крестьяне (волненія въ Вяземскомъ уѣздѣ крестьянъ кн. Долгоруковыхъ).

Въ этихъ первыхъ волненіяхъ проявились нѣкоторыя черты, съ которыми намъ постоянно придется встрѣчаться въ будущемъ.

Это, во-первыхъ, вѣра въ царя, въ его благожелательство по отношенію къ мужику, во-вторыхъ, формы борьбы:

разрушеніе помѣстій, разборка ихъ движимаго имущества, изгнаніе помѣщиковъ, и, въ-третьихъ, наконецъ, попытки активнаго—при помощи рогатины, полѣна и камня—сопротивленія штыку, ружью и пушкѣ, попытки, неизмѣнно кончавшіяся, разумѣется, пораженіемъ, если не съ одного пріема, то съ двухъ и трехъ. Непосредственнымъ поводомъ для волненій обычно являлась государственная мѣра, съ которой крестьянство связывало надежду на фактическое осуществленіе царскаго благожелательства [1]).

Что касается размѣра волненій, такъ сказать—объема ихъ, то нашъ изслѣдователь высказывается слѣдующимъ образомъ: „Волненія замѣчаются въ одной какой-либо вотчинѣ, хотя на помощь при стычкѣ съ правительственнымъ отрядомъ являются сосѣдніе крестьяне" (тамъ же, т. I, стр. 440).

Число волненій въ первыя 7 лѣтъ царствованія Екатерины II (1762—1769 г. г.), извѣстныхъ цитированному автору, достигло цифры 40, въ 1770—73 г. ему неизвѣстно ни одного волненія. Объясняетъ этотъ фактъ г. Семевскій тѣмъ, что крестьяне, съ созывомъ законодательной комиссіи 1767 г., прониклись надеждой на скорое освобожденіе, котораго и терпѣливо ждали (тамъ же стр. 441—443). Но шли годы. „Помѣщики продолжаютъ попрежнему расправляться со своими людьми, попрежнему увеличиваютъ оброки, и мѣра терпѣ-

[1]) Кромѣ того, былъ еще рядъ волненій, вызванныхъ частными поводами; но, всматриваясь въ нихъ, мы находимъ постоянную причину во все ухудшающемся положеніи крестьянства, какъ въ экономическомъ, такъ и въ правовомъ отношеніи. И характерно, что почти всѣ они сопровождались слухами о какомъ-либо указѣ, якобы облегчавшемъ положеніе, въ родѣ указа объ однодневной барщинѣ, или указа о томъ, чтобы „за тягчайшими отъ помѣщиковъ оброками, коихъ платить не въ состояніи, отписывать крестьянъ на имя императрицы" (тамъ же стр. 355—366). Выражались волненія часто въ томъ, что „крестьяне отлагались отъ помѣщика, никакихъ работъ на него не работали, а равно какъ и отъ подушнаго платежа отрекались" (367).

нія, наконецъ, переполняется: вспыхиваетъ пугачевщина, и помѣщичьи крестьяне, наравнѣ съ заводскими и даже дворцовыми, экономическими и другими крестьянами, принимаютъ въ ней самое дѣятельное участіе" (443).

Характеръ пугачевщины,—по справедливому замѣчанію того же автора, движенія сложнаго,—достаточно выясняется изъ слѣдующаго факта: послѣ пораженія, нанесеннаго 15-титысячной арміи Пугачева, составленной, главнымъ образомъ, изъ казаковъ и кочевниковъ и лишь частью изъ заводскихъ крестьянъ, Пугачевъ пріобрѣлъ новую мужичью армію, издавъ манифестъ, который заставилъ радостно биться всѣ крѣпостныя сердца.

Манифестъ гласилъ: „Жалуемъ всѣхъ находившихся прежде въ крестьянствѣ и въ подданствѣ помѣщиковъ быть вѣрноподданными рабами нашей коронѣ... вольностью и свободою, не требуя рекрутскихъ наборовъ, подушныхъ и прочихъ денежныхъ податей, владѣніемъ землями, лѣсными, сѣнокосными угодьями, безъ покупки и безъ оброку, и свобождаемъ всѣхъ прежде чинимыхъ отъ злодѣевъ дворянъ и градскихъ мздоимцевъ судей, крестьянамъ и всему народу налагаемыхъ податей и отягощеніевъ" (тамъ же, т. I, первое изданіе, 377—387).

Позднѣе Пугачевъ манифестомъ же разрѣшилъ грабить и убивать помѣщиковъ (Энциклопедическій Словарь Брокгауза, т. 25—А, ст. г. Василенко, 759).

Этими манифестами была пріобрѣтена уже та сермяжная армія, съ которою Пугачевъ взялъ Казань, Саратовъ, Пензу, Самару и рядъ мелкихъ городовъ, отдѣлилъ отъ оффиціальной Россіи весь ея юго-востокъ и, угрожая Москвѣ, сталъ, дѣйствительно, опасенъ крѣпостническому государству. Болѣе, чѣмъ важно свидѣтельство Болотова, что „въ Москвѣ вся подлость и чернь, и особливо все холопство и наши слуги, когда не въявь, такъ въ тайнѣ сердцами своими злодѣю сему преданы" (Семевскій, тамъ же, стр. 385).

Несомнѣнно, что мы имѣемъ дѣло съ настоящей революціей низшихъ классовъ населенія. Пугачевъ говоритъ въ манифестѣ о злодѣйствахъ судей, объ освобожденіи „всего народа отъ поборовъ и отягощеніевъ". Что касается крестьянства, то всѣ его группы съ одинаковой страстью стремились къ „безоброчному владѣнію землями и угодьями", которыми ихъ всѣхъ жаловалъ „императоръ Петръ Ѳедоровичъ".

Однако, „пугачевщина была усмирена, крестьяне надолго присмирѣли" (386). Организованное государство, располагающее всѣми средствами тогдашней цивилизаціи и, въ частности, всевозможными орудіями истребленія, побѣдило казацко-мужицкую рать. Г. Василенко вынужденъ былъ признать, что наступающему войску „мятежники оказывали слабое сопротивленіе, со всѣхъ сторонъ къ побѣдителю приходили крестьяне съ повинной" (Энцикл. Слов., тамъ же).

Иныхъ явленій и не могло быть.

На возстаніе, хоть и широкое, но мѣстное, поднялись одни низшіе классы, и притомъ только сельскіе — разрозненные, невѣжественные, столѣтіями пріученные къ покорности, рѣшившіеся на борьбу лишь потому, что считали себя исполнителями воли государевой. Мало этого. Чтобы вывести ихъ изъ инертнаго состоянія, понадобилась инціатива и руководство иного слоя,—вольнаго казачества, уже не разъ сталкивавшагося съ государствомъ.

Отсутствіемъ этого слоя въ другихъ мѣстностяхъ въ значительной мѣрѣ объясняется сохраненіе ими спокойствія. Кромѣ этого, необходимо учесть полную оторванность однѣхъ мѣстностей отъ другихъ, отсутствіе организаціи. Встрѣтились же возставшіе, какъ уже сказано, съ объединенной, организованной силой, сумѣвшей сдѣлать изъ того же крѣпостного, и даже свободнаго казака, вооруженнаго, послушнаго живого манекена, готоваго по приказу стрѣлять, въ кого прикажутъ.

Но главную причину какъ того, что не все крестьянство возстало, такъ и пораженія возставшихъ, нужно видѣть въ соціальной инерціи, въ силѣ сцѣпленія сложившихся соціальныхъ отношеній, въ различіи условій жизни въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, разрядахъ и даже вотчинахъ, а также въ вѣрѣ въ царскую власть, въ то, что отъ нея изойдетъ свобода отъ господъ, и ею будетъ пожалована земля.

Высоко художественное и вмѣстѣ вполнѣ научное объясненіе даетъ этой вѣрѣ глубокій наблюдатель жизни русскаго народа, переболѣвшій всѣми ея муками—Глѣбъ Успенскій.

Земледѣльческій трудъ, его процессъ и результаты цѣликомъ опредѣляются природой, съ ней человѣкъ дѣлаетъ дѣло, непосредственно отъ нея зависитъ. Она же учитъ его признавать власть, и притомъ власть своеобразную, капризно-прихотливую и бездушно-жестокую, но та же природа, вкореняя въ сознаніе идею необходимости безусловнаго повиновенія, даетъ ему сознаніе необходимости власти домохозяина, „большака“ въ земледѣльческомъ производствѣ. Въ его домашней жизни все основано на подчиненіи власти хозяина. На основаніи этого опыта объясняются и высшіе государственные порядки: „Нельзя безъ большака, хоть и нашего брата взять“. [1])

Память о столѣтіяхъ собиранія Руси московскими князьями и царями, борьба ихъ съ татарскимъ игомъ укрѣпили мысль о томъ, что власть—охранитель страны. Помѣстная система, когда за царскую службу служилые люди награждались „населенной“ землей, не могла не оставить того слѣда въ народномъ сознаніи, съ которымъ мы встрѣтились при изученіи крестьянскихъ волненій времени Екатерины и будемъ встрѣчаться еще долго и долго въ будущемъ.

---

[1]) Соч. Глѣба Успенскаго, т. VIII, 20—30.

Итакъ, пугачевщина была усмирена. Вспыхнувшій пожаръ залитъ народной кровью.

Послѣ пугачевщины Семевскому извѣстны волненія крѣпостныхъ крестьянъ только въ 20 вотчинахъ (т. I изд. 2, стр. 456). Но искры тлѣли. Новгородскій намѣстникъ Сиверсъ столкнулся черезъ четыре года послѣ казни Пугачева съ частнымъ волненіемъ крестьянъ въ управляемой имъ губерніи, очень далекой отъ района дѣйствій Пугачева. Ссылаясь на то, что приверженцы Пугачева состояли изъ крѣпостныхъ, недовольныхъ своими господами, онъ убѣждалъ императрицу принять самыя рѣшительныя мѣры для подавленія волненія, „такъ какъ подобныя искры, разгорѣвшись въ пламя, грозятъ опасностью самому государству" (тамъ же, изд. 1-е, 387).

Чтобы предупредить эту опасность, дворянство, а съ нимъ и правительство „желали всевозможныхъ казней народу и еще большаго его обремененія" (Семевскій, „Крестьянскій вопросъ", т. I, стр. 180), и „въ царствованіе Екатерины было сдѣлано гораздо болѣе для усиленія и даже для распространенія крѣпостного права, чѣмъ для его ограниченія" (тамъ же, 228).

Экономическая эксплоатація крестьянъ также непрерывно увеличивалась. Средній размѣръ оброка въ началѣ царствованія Екатерины равнялся 1—2 руб., а въ концѣ уже 5 р. („Крест. въ цар. Ек., т. I, изд. 2, XIII). Понятно, почему съ восшествіемъ на престолъ преемника Екатерины начался цѣлый рядъ волненій въ 17 губеніяхъ („Кр. вопросъ", стр. 230).

Волненія эти, по мнѣнію г. Павлова-Сильванскаго, представляютъ собою одно изъ важнѣйшихъ нашихъ народныхъ движеній [1]) и находятся въ преемственной связи съ частыми крестьянскими волненіями въ царствованіе Екатерины

[1]) Мы пользуемся рецензіей г. Павлова-Сильванскаго на спеціальное изслѣдованіе г. Трифильева „Очерки изъ исторіи крѣпостного права въ

Общіе выводы о характерѣ этихъ волненій, къ которымъ пришелъ г. Павловъ-Сильванскій, изложены имъ въ слѣдующихъ словахъ: „Въ большинствѣ случаевъ волненія выражались единственно въ неповиновеніи помѣщику или его приказчику. Отказавшись повиноваться помѣщику, крестьяне, однако, не сопротивлялись властямъ и мирно подчинялись исправнику, выдавая ему зачинщиковъ. Неповиновеніе помѣщику выражалось также весьма различно по существу. Въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ крестьяне отлагались вообще отъ власти помѣщика, причемъ иногда, какъ напримѣръ, въ Бѣлорусской губерніи, грабили имущество своихъ господъ. Но чаще крестьяне, не отлагаясь вообще отъ власти помѣщика, отказывались только исполнять нѣкоторыя непомѣрныя его требованія, объявляя себя „не непослушными, а неимущими“.

Волненіе иногда выражалось въ простомъ неповиновеніи исправнику или губернскому стряпчему, какъ въ имѣніи графа А. К. Разумовскаго въ Можайскомъ уѣздѣ, причемъ при появленіи военныхъ отрядовъ, съ пушками или безъ пушекъ, а иногда и небольшой мѣстной воинской команды изъ города, крестьяне тотчасъ же выражали покорность.

Въ другихъ случаяхъ, болѣе рѣдкихъ, было вооруженное сопротивленіе властямъ, какъ напримѣръ, въ Пензенской губерніи, гдѣ въ одномъ мѣстѣ исправникъ со своей командой долженъ былъ спасаться бѣгствомъ отъ толпы крестьянъ до 1.000 человѣкъ, вооруженныхъ дрекольемъ.

Россіи. Царствованіе императора Павла I“. Г. Павловъ-Сильванскій провѣрилъ по архивнымъ даннымъ работу г. Трифильева и въ своей рецензіи сообщилъ тѣ выводы, къ которымъ пришелъ на основаніи этой провѣрки. Рецензія помѣщена въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ за 1905 г., въ январской книгѣ.

Въ нѣкоторыхъ, еще болѣе рѣдкихъ случаяхъ волненія выражались въ открытомъ бунтѣ тысячи и нѣсколькихъ тысячъ крестьянъ. Въ Орловской губерніи, въ имѣніяхъ князя Голицына и Апраксина, произошло вооруженное возстаніе около 13.000 крестьянъ, нѣчто въ родѣ пугачевскаго бунта. Возстаніе продолжалось съ 5-го января до 13-го февраля 1797 г. У крестьянъ былъ предводитель въ селѣ Радогощи Емельянъ Чернодыровъ. Толпа крестьянъ, вооруженная ружьями и дубовыми кольями, напала сама на Ахтырскій гусарскій полкъ, и полкъ этотъ съ губернаторомъ во главѣ отступилъ изъ села Радогощи. Возстаніе было подавлено позднѣе послѣ вооруженной стычки, во время которой сдѣлано было 33 выстрѣла пушечныхъ и 600 ружейныхъ; убито 20 и ранено 70 человѣкъ.—Волненія болѣе 21.000 крестьянъ въ Пермской губерніи, на заводахъ Всеволжскаго, были также подавлены послѣ двухъ вооруженныхъ стычекъ; во время второй стычки убито было 3 и ранено 5 человѣкъ.

Видя „главную общую причину волненій въ тяжкомъ гнетѣ господскаго произвола и тяжеломъ экономическомъ положеніи крестьянъ“, Павловъ-Сильванскій признаетъ, что общимъ поводомъ для широкаго народнаго движенія въ первый годъ царствованія Павла I явилась перемѣна царствованія, естественное ожиданіе отъ новаго государя новыхъ порядковъ.

Воли отъ новаго государя крестьяне не получили, но эта волна крестьянскаго движенія, несмотря на то, что „была подавлена въ теченіе года при помощи воинскихъ командъ и пушекъ“ (слова г. Павлова-Сильванскаго),—оказала громадное вліяніе на политическую жизнь страны.

Именно это движеніе, впервые послѣ 50-ти лѣтъ безусловнаго подчиненія государства дворянству, заставило государственную власть, какъ выражается проф. Ключевскій, по-

грозить пальцемъ первенствующему благородному сословію. Еще не утихли описанныя волненія, какъ появляется указъ 5 апрѣля 1797 г., „которымъ воспрешено было требовать отъ крестьянъ барщины болѣе трехъ дней въ недѣлю и, такимъ образомъ, положено было начало ограниченію помѣщичьей власти“ (Павловъ-Сильванскій) [1]).

Такимъ образомъ, эти волненія сдѣлали то, что не удалось сдѣлать пугачевщинѣ.

Не могу отказаться отъ того, чтобы не напомнить мнѣніе В. О. Ключевскаго о значеніи для всего хода русской исторіи народныхъ волненій 2-ой половины XVIII в.

„Послѣ Петра I во внутреннюю жизнь государства входитъ еще новое важное условіе. Престолъ, находящійся въ рукахъ недостойныхъ преемниковъ и преемницъ Петра, заколебался и искалъ опоры въ обществѣ, прежде всего въ дворянствѣ. Дворянство эмансипируется, снимаетъ съ себя повинность обязательной службы, и не только удерживаетъ старыя права, но и пріобрѣтаетъ широкія новыя. Крупицы этихъ даровъ падаютъ и на долю высшаго купечества. На низы свалили только тяжести и лишенія. Если бы народъ терпѣливо вынесъ такой порядокъ,—говоритъ Ключевскій,—Россія выбыла бы изъ числа европейскихъ странъ. Но съ половины XVIII в. въ народной массѣ пробуждается тревожное броженіе особаго характера. Теперь мятежи принимаютъ соціальную окраску, идутъ противъ господъ“. (Курсъ русской исторіи, ч. III, введеніе). И именно этотъ характеръ волненій привелъ въ половинѣ

---

[1]) Отмѣтимъ, что заслугой г. Трифильева, признаваемой и г. Павловымъ-Сильванскимъ, является доказательство на основаніи новыхъ документовъ, „что въ павловское время указъ о трехдневной барщинѣ имѣлъ большое практическое значеніе, такъ какъ правительство строго настаивало на его исполненіи“.

XIX в. къ реформамъ, пробившимъ серьезную брешь въ феодальномъ и даже частью въ полицейскомъ строѣ.

Но возвратимся къ исторіи крестьянскихъ движеній

Во время Павла продолжалось дальнѣйшее увеличеніе оброка и повинностей крестьянъ. Не переставали крестьяне стремиться къ волѣ, но рядъ страшныхъ пораженій, а также, вѣроятно, и извѣстная сдержанность крестьянъ, вызванная національными войнами, сдѣлали то, что число крестьянскихъ волненій уменьшилось. „При императорѣ Александрѣ I число крестьянскихъ волненій было меньше, чѣмъ до него и послѣ него. Впрочемъ, въ 1818—1820 г. происходили довольно значительныя волненія, поводомъ для которыхъ былъ опять распространившійся слухъ о предстоящемъ освобожденіи“ (Милюковъ „Крестьяне“, Энцикл. Слов. т. 16, А, 692).

Съ воцареніемъ Николая I, начались уже болѣе значительныя волненія въ 10 губерніяхъ, какъ черноземной, такъ и нечерноземной Россіи [1]). Эти волненія также были вызваны слухомъ о состоявшемся указѣ [2]) объ освобожденіи.

Послѣ нѣкотораго затишья, очень непродолжительнаго, начинается рядъ гораздо болѣе серьезныхъ и угрожающихъ проявленій протеста крестьянъ, какъ противъ особенно возмутительныхъ мѣръ угнетенія и эксплоатаціи, такъ и противъ крѣпостного права вообще.

Съ 1827 по 1840 годъ извѣстенъ 171 случай неповиновенія крестьянъ разныхъ разрядовъ (не считая убійствъ и

[1]) А именно: въ Пермской, Вологодской, Костромской, Владимирской Ярославской, Смоленской, Псковской, Кіевской и Курской (Милюковъ тамъ же, и Семевскій „Крестьянскій вопросъ“, т. 2, 586).

[2]) Данныя взяты изъ Семевскаго „Крест. вопр.“, т. II стр. 595—597, изъ указ. ст. Милюкова „Крестьяне“ и изъ „Извлеченій секретныхъ отчетовъ м. в. д.“, напечатанныхъ Хрущевымъ въ Берлинѣ въ 1872 г.

покушеній на убійства помѣщиковъ и ихъ управляющихъ), т.-е. въ среднемъ по 13 въ годъ. Съ 1841 же по 1855 г. такихъ случаевъ насчитывается уже 471, т.-е. по 32 случая въ годъ. Число убійствъ и покушеній на убійства возростало такимъ образомъ: за пятилѣтіе съ 1836 по 1840 г. число ихъ равнялось 42, т.-е. по 8 въ годъ, а въ слѣдующее пятнадцатилѣтіе общее число равнялось 226, или по 15 въ годъ.

Волненія почти одинаково охватывали какъ оброчную, нечерноземную, такъ и барщинную, черноземную Россію. Въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ волновались крестьяне помѣщичьи: изъ 549 волненій за время съ 1836 по 1855 годъ 420 падаютъ на волненія въ помѣщичьихъ имѣніяхъ.

Причины волненій извѣстны въ 275 случаяхъ. Изъ нихъ почти въ половинѣ (132 волненія) безпорядки происходили отъ того, что крестьяне уже считали себя вольными или домогались свободы на какомъ-нибудь, казавшемся имъ справедливымъ, основаніи. Больше, чѣмъ въ четверти случаевъ (73) — вслѣдствіе жалобъ на обремененіе барщиной, жестокости помѣщика и т. п. Изъ 261 волненія, способы усмиренія которыхъ извѣстны,—132, или половина, были подавлены съ помощью воинской команды.

Только за 20 лѣтъ (съ 1827 по 1846 г.) и только по суду было сослано 1030 человѣкъ, или въ среднемъ свыше 50 ч. въ годъ. Безъ суда, по волѣ помѣщиковъ, за то же время было сослано почти въ 7 разъ больше, около 7000 человѣкъ. Причиной высылки, главнымъ образомъ, было, конечно, то же неповиновеніе.

Не описывая отдѣльныхъ волненій, мы отмѣтимъ лишь что каждый изъ указанныхъ выше типовъ движенія,—вызваны ли они желаніемъ „освободиться изъ крѣпостного состоянія“ (оффиціальное объясненіе волненій), или же про-

тестомъ противъ выдающихся изъ ряда вонъ притѣсненій со стороны помѣщика,—охватывалъ цѣлые обширные районы, вовлекалъ въ себя иногда до 10.000 человѣкъ и требовалъ для своего подавленія цѣлыхъ армій, которыя подвергали „исправительному тѣлесному наказанію“ до 4.000 человѣкъ (волненія въ Псковской губерніи).

Не риторикой, поэтому, звучали въ началѣ пятидесятыхъ годовъ слова Герцена, который въ 1851 г., отвѣчая Мишле, писалъ: „Народъ начинаетъ роптать подъ гнетомъ помѣщиковъ, безпрестанно вспыхиваютъ мѣстныя возстанія“. Отмѣчая, что крестьяне рѣдко сговариваются съ другими деревнями, онъ подчеркиваетъ, что бывали примѣры лѣтъ десять назадъ, что нѣсколько деревень дѣйствовали заодно („Крещеная собственность“). Не прошло и трехъ лѣтъ, какъ уже начали сговариваться не нѣсколько деревень, а нѣсколько уѣздовъ. Мы говоримъ о движеніи 1854—55 годовъ, затронувшемъ до 10 губерній въ 1854 г. и до 7—въ 1855 г. и вызванномъ указомъ о морскомъ ополченіи и манифестомъ о народномъ ополченіи. Народъ упорно истолковывалъ эти призывы государя на защиту отечества такимъ образомъ, что помѣщичьи крестьяне, которые добровольно пойдутъ въ ополченіе, получатъ волю вмѣстѣ съ своими семействами.

Наиболѣе интенсивны были волненія Кіевскихъ крестьянъ [1]). Въ этихъ волненіяхъ, по удостовѣренію одного изъ офицеровъ, посланныхъ въ помощь усмирителямъ, Громеки, „не было ни одного случая, чтобы крестьяне позволили себѣ оскорбить помѣщика, или кого-нибудь изъ членовъ его семьи, а тѣмъ болѣе учинить надъ ними какое-нибудь насиліе. Имущество помѣщиковъ также было неприкосновеннымъ. „Во всей губерніи,—говоритъ Громека,—въ теченіе трехмѣсячнаго волненія не было тронуто крестьянами ни соло-

---

[1]) Излагаемъ по ст. И. Игнатовичъ. „Минувшіе годы“ № 5—6 1898 г.

минки“. Вмѣстѣ съ тѣмъ крестьяне прекращали какія бы то ни было отношенія къ помѣщикамъ, была ли то панщина въ полѣ, на фабрикѣ, заводѣ, или какія-либо другія повинности: они снимали дворовыхъ, понуждая послѣднихъ, иногда побоями, подчиняться рѣшенію „громады“, прекратить какія бы то ни было работы на помѣщиковъ. Это свое рѣшеніе крестьяне проводили стойко и твердо, не поддаваясь ни на какія увѣщанія.

Болѣе чѣмъ интересно отмѣтить роль „міра“, носившаго въ Малороссіи названіе: „громада“.

„Громада“ рѣшала всѣ дѣла, устанавливала порядки, наказывала нарушителей. Каждый отдѣльный крестьянинъ слѣпо подчинялся велѣніямъ „громады“ и въ нихъ видѣлъ оправданіе своихъ поступковъ. Крестьяне отлично справлялись безъ помѣщиковъ и чиновниковъ. Несмотря на естественное возбужденіе умовъ и страстей во время волненій, крестьяне поддерживали образцовый порядокъ. Громека указываетъ, что во время самого сильнаго волненія кабаки вездѣ были запечатаны „громадою“, и всюду были разставлены караулы, чтобы никто не смѣлъ тронуть помѣщичьей собственности.

Это послѣднее стремленіе крестьянъ охранить помѣщичью собственность объяснялось тѣмъ, что крестьяне вѣрили, что воля будетъ сопровождаться переходомъ всей земли и всего имущества пановъ къ крестьянамъ.

Василій Сикорскій въ своихъ „Воспоминаніяхъ потерпѣвшаго“ (Кіевская Старина 82 г. № 4) разсказываетъ, что крестьяне требовали отъ священника дать имъ присягу въ томъ, что „мы де уже не панскіе, что поля и луга наши и все, что есть у пановъ, наше жъ; оно и есть такъ, ибо мы и наши предки за все это уже отработали“.

Въ мѣстечкѣ Корсунь, Коневскаго уѣзда, толпа до 4.000 человѣкъ объявила командированнымъ чиновникамъ, что

крестьяне не хотятъ служить помѣщикамъ, и вступила въ рукопашный бой съ присланною военною командою.

Эти волненія, по вѣрному замѣчанію проф. Иванюкова, показали, какъ напряженно было въ народѣ ожиданіе близкаго освобожденія, и какую легко воспламеняющуюся почву представляло крестьянское сословіе въ это время.

А потому,—добавляетъ тотъ же авторъ,—совершенно понятны слова императора Александра II, сказанныя московскому дворянству въ 1855 году, что „лучше отмѣнить крѣпостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собою начнетъ отмѣняться снизу“ (Иванюковъ, „Паденіе крѣпостного права“, стр. II).

И Александръ II не ошибся: крестьянскія волненія не прекращались вплоть до того времени, какъ стало извѣстно о практическомъ приступѣ къ обсужденію условій освобожденія.

Въ 1858 году въ первые четыре мѣсяца было 70 крестьянскихъ волненій, въ 9-ти потребовались военныя команды. Волненія прекратились вслѣдствіе опубликованныхъ рескриптовъ о предстоящемъ освобожденіи и открытіи губернскихъ комитетовъ на мѣстахъ.

Крестьяне стали ждать воли, и деревня стала ареной толковъ о будущемъ. Какъ свидѣтельствуетъ Якушкинъ въ своей статьѣ „Великъ Богъ земли русской“, толки крестьянъ вращались около одного пункта: „земля будетъ наша“. Крестьяне говорили, что „землю самъ Богъ зародилъ“, что „баринъ и пахать ее не умѣетъ, что онъ съ землей будетъ дѣлать?“

Историкъ г. Милюковъ, который посвятилъ много вниманія доказательству того, что отмѣна крѣпостного права диктовалась экономической необходимостью, вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшающую роль въ этомъ актѣ придаетъ стихійнымъ

попыткамъ народной массы освободиться изъ-подъ помѣщичьяго гнета [1]).

Если мы отъ проявленій активной борьбы обратимся къ даннымъ, характеризующимъ идейную жизнь крестьянства, то убѣдимся, что народныя волненія не были только стихійными вспышками.

Еще до реформы 61 года ярко проявилась глубокая и дѣятельная работа мысли, подвергшая рѣзкой критикѣ существовавшій экономическій и политическій порядокъ, дѣятельно работавшая надъ выработкою новыхъ идеаловъ соціальнаго устройства.

Въ виду недостатка мѣста ограничимся однимъ обобщающимъ мнѣніемъ изъ многочисленныхъ отзывовъ, собранныхъ Кельсіевымъ въ его четырехтомномъ „Сборникѣ правительственныхъ свѣдѣній о раскольникахъ", относящихся къ 50-мъ годамъ и изданныхъ въ Берлинѣ въ 1862 г.

Графъ Стенбокъ представилъ въ высшія сферы записку о страннической сектѣ и изложилъ въ ней свое общее заключеніе о происхожденіи и тенденціяхъ сектантства, неправильнаго называвшагося имъ расколомъ.

„Главнѣйшія причины, усиливающія и поддерживающія нынѣ расколъ при ослабленіи религіознаго интереса",—слѣдующія:

---

[1]) Милюковъ. „Очерки по исторіи русской культуры, ч. I, 2-ое изд. стр. 203. Собственно говоря, г. Милюковъ указываетъ двѣ рѣшающихъ причины: съ одной стороны, чисто моральныя побужденія, а съ другой—соображенія государственной безопасности, т.-е. стремленіе предотвратить народную революцію. Но онъ самъ дальше говоритъ, что именно мысль, высказанная Александромъ II, а еще раньше Екатериной II, „что противъ воли крестьяне сами свободу возьмутъ рано или поздно", что именно эта мысль, поддерживаемая непрерывными, все болѣе и болѣе частыми волненіями крестьянъ, объясняетъ, какимъ образомъ „дюжина искренно убѣжденныхъ людей могла разрушить до основанія зданіе крѣпостного права" (тамъ же, 203).

„1) Протестъ противъ правительства и современнаго порядка вещей“;

2) Отношеніе Церкви къ государству, и по мнѣнію раскольниковъ гражданскій (читай: полицейскій, В. Г.) ея характеръ;

3) Отвращеніе (sic) отъ Церкви, внушаемое народу духовенствомъ;

4) Потребность умственной дѣятельности и броженіе умовъ, находящихъ въ расколѣ единственное орудіе для удовлетворенія своей духовной потребности,

5) Наконецъ, матеріальныя выгоды, представляющіяся въ расколѣ отпавшимъ отъ православія“.

Сіятельный авторъ обстоятельно пояснилъ и мотивировалъ каждую изъ этихъ причинъ, разнесенныхъ имъ по пяти рубрикамъ. Приведемъ существеннѣйшіе изъ его аргументовъ.

„Протестъ противъ современнаго порядка лучше всего выражается, говоритъ гр. Стенбокъ, въ слѣдующемъ духовномъ стихѣ, весьма распространенномъ и почитаемомъ среди раскольниковъ:

> Не могу пребыть безъ рыданія:
> Вмѣсто законовъ водворилось беззаконіе;
> Лихоимцы вся гради содержатъ;
> Немилосердіи въ градахъ первіи;
> На мѣстахъ злые поставлены“.

„Видя въ чиновникахъ и духовныхъ,—продолжаетъ нашъ официальный авторъ,—слугъ царскихъ, т.-е. слугъ антихристовыхъ, раскольники смотрятъ на этихъ слугъ съ презрѣніемъ“.

„Грекороссійская вѣра—есть вѣра гражданская, мірская, не на правомъ, искреннемъ убѣжденіи основанная, и служитъ правительству для поддержки порядка и богопочитанія земной власти“.

Третью причину—отвращеніе къ духовенству, нашъ авторъ признаетъ вполнѣ основательной; онъ приводитъ самъ факты въ подтвержденіе народной пословицы: „у попа глаза завидущіе, руки загребущія“.

Болѣе чѣмъ интересны комментаріи къ пункту четвертому.

„Раскольники — общество ученыхъ, т.-е. начитанныхъ. У нихъ библіотеки и всѣ пособія для свободнаго общенія мысли и слова“. Авторъ опять цитируетъ „стихъ“, въ которомъ, дѣйствительно, нельзя не видѣть проявленій жгучей потребности въ осмысленно-духовной жизни:

> Душа своей пищи дожидается,—
> Душѣ надо жажду утолить—
> Потщимся душу свою гладну не оставить.

Наконецъ, подъ послѣднею, пятою причиной, матеріальными выгодами, авторъ разумѣетъ развитую взаимопомощь между сектантами („другъ другу помогаютъ“).

Было бы глубокою ошибкой заключать изъ этихъ данныхъ о состояніи сознанія всей массы сельскаго населенія. Нѣтъ, подавляющее большинство послѣдняго далеко не достигло этого уровня развитія, но вмѣстѣ съ тѣмъ было бы безсмысленно не оцѣнить и того, что разъ мы наблюдаемъ въ отдѣльныхъ, почему-либо ушедшихъ впередъ группахъ населенія такія явленія роста сознанія, то, значитъ, и большинство было не вполнѣ нищіе духомъ. Сектанты развили въ себѣ тѣ задатки, которые заложены въ народной массѣ, находящейся съ ними въ аналогичныхъ условіяхъ: сектанскія ученія—продуктъ тѣхъ соціально-историческихъ факторовъ, отъ которыхъ зависѣла жизнь всего населенія. Взглядъ на сектантство, какъ на наносное явленіе, давно всѣми оставленъ.

Такимъ образомъ, мы въ правѣ заключить, что народная масса не только стремилась къ освобожденію отъ крѣпостной

зависимости, но и добивалась опредѣленныхъ положительныхъ преобразованій.

Это мы сейчасъ увидимъ на фактахъ, когда узнаемъ, какъ отнеслось крестьянство къ тѣмъ условіямъ освобожденія, которыя принесъ съ собою актъ 19 февраля.

II.

1861—1863 годы.

Сущность акта 19 февраля князь Волконскій опредѣляетъ въ такихъ словахъ: „самая реформа, что касается собственно экономическихъ условій, имѣла въ виду только охватить и освятить авторитетомъ законности уже сложившіяся хозяйственныя отношенія, результатъ продолжительнаго историко-экономическаго процесса“ (Труды Ряз. арх. ком. 1897 г.).

Этого одного уже было бы достаточно, чтобы вызвать протестъ „освобожденныхъ“, ибо они считали „существующія отношенія“ не чѣмъ инымъ, какъ невыносимымъ экономическимъ гнетомъ. Но кн. Волконскій еще прикрашиваетъ положеніе дѣлъ. Мы знаемъ, что во многихъ мѣстахъ у крестьянъ была отрѣзана чуть не половина земли, находившаяся въ ихъ пользованіи до эмансипаціи, а оброки и повинности актомъ 19 февраля не только не уменьшились, но даже увеличились.

Г. Лященко въ своей книжкѣ „Очерки аграрной эволюціи въ Россіи“ приводитъ, на основаніи извѣстнаго труда Скребницкаго „Крестьянское Дѣло“, сравнительныя данныя о среднихъ погубернскихъ размѣрахъ дореформеннаго надѣла на ревизскую душу и надѣла, установленнаго реформой. Приведемъ наиболѣе разительныя цифры. Въ Тамбовской губерніи до реформы ревизская душа въ среднемъ владѣла 3,1 дес., реформа понизила надѣлъ до 2,7 дес., въ Саратов-

ской губерніи соотвѣтствующія цифры будутъ: 3,8 и 2,4, въ Подольской—5,5 и 2,2, а въ Кіевской даже 6,6 и 2,1, т.-е. освободительный актъ освободилъ крестьянъ отъ двухъ третей земли, которою они пользовались при крѣпостномъ правѣ. Не забудемъ, что крестьяне съ момента прекращенія послѣдняго лишались права пользованія лѣсомъ и выгономъ помѣщика, права на продовольственную и иную хозяйственную помощь со стороны помѣщика.

Помѣщики, а за ними и съ ними и государственная власть, стремились къ тому, чтобы, какъ выражается г. Лященко, „создать такія условія надѣленія крестьянъ землей, при которыхъ обработка помѣщичьихъ земель и веденіе помѣщичьяго хозяйства были бы обезпечены прежнимъ крестьянскимъ трудомъ (стр. 213). Это стремленіе объединяло какъ консервативныхъ, такъ и либеральныхъ помѣщиковъ. Органъ первыхъ „Журналъ Земледѣльцевъ" и органъ вторыхъ „Сельское Благоустройство" энергично доказывали, что крестьянинъ долженъ и послѣ отмѣны крѣпости работать на помѣщика. Либеральное „Сельское Благоустройство" (кн. X 1858 г.) писало: „Мы не можемъ надѣлить крестьянъ землею въ такой мѣрѣ, чтобы быть ихъ совершенно обезпечивался. Крестьянинъ долженъ помнить, что личный трудъ есть главное средство его жизни"...

Что касается правовой стороны, то вплоть до выкупа, предоставленнаго волѣ помѣщика, продолжались и отношенія прямой зависимости отъ барина, лишеннаго лишь права непосредственной тѣлесной расправы.

Вотчинный судъ оставался за помѣщикомъ, но его приговоры о тѣлесномъ наказаніи приводились въ исполненіе черезъ полицію. Въ этомъ и заключалось различіе между крѣпостнымъ правомъ и состояніемъ „временно обязанныхъ".

Въ общемъ же административно-правовой строй въ де-

ревнѣ въ важнѣйшихъ своихъ чертахъ оставался прежнимъ, подчиненіе барину замѣнилось подчиненіемъ крестьянина и крестьянскаго міра исправнику и посреднику.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что манифестъ 19-го февраля, оглашенный съ церковныхъ амвоновъ въ мартѣ, сейчасъ же вызвалъ волну крестьянскихъ бунтовъ, достигавшихъ порой громадныхъ размѣровъ и широко разлившихся по всей странѣ.

„По офиціальному свидѣтельству, въ теченіе двухъ лѣтъ, съ 19 февраля 1861 г. по 19 февраля 1863 г., было болѣе 1.100 случаевъ волненій и безпорядковъ въ разныхъ селеніяхъ" (В. И. Семевскій, Русская Мысль, май 1905 г.).

Содержаніе этихъ волненій настолько важно, что я долженъ остановиться на нихъ.

Начнемъ съ Поволожья, этого постояннаго очага крестьянскихъ бунтовъ. Уже въ апрѣлѣ крестьяне Спасскаго уѣзда Казанской губ. рѣшительно отказались принять освободительный манифестъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ вышелъ изъ рукъ его творцовъ. Они нашли своего толкователя въ лицѣ крестьянина с. Бездны, Петрова, который объявилъ, что „Положеніе" „означаетъ совершенную независимость не только отъ помѣщиковъ, но и отъ мѣстнаго начальства; внушалъ крестьянамъ не бояться никакихъ угрозъ и не довѣрять никакимъ распоряженіямъ и убѣжденіямъ властей, потому что они подкуплены помѣщиками".

Волненія охватили три уѣзда Казанской губ., отчасти Симбирскую и Самарскую губерніи. Крестьяне вѣрили не только въ то, что съ наступленіемъ воли отмѣняются всѣ обязательныя отношенія къ помѣщику, но и въ то, что всѣ господскія земли и лѣса переходятъ къ нимъ, а мѣстами даже и въ то, что и господское имущество (хлѣбъ, усадьбы, скотъ) также должны перейти къ крестьянамъ. Такъ понимая даруемую имъ царемъ волю, освобождаемые крестьяне, конечно, не могли не считать дѣйствительнаго ма-

нифеста и дѣйствительнаго положенія „подложными", составленными панами и подкупленными ими чиновниками и попами, и съ большимъ нетерпѣніемъ ожидали царскихъ пословъ. Въ селѣ Безднѣ навстрѣчу ген. Апраксину выслали стариковъ съ хлѣбомъ-солью.

Крестьяне сосѣднихъ деревень, какъ сказано, примкнули къ крестьянамъ с. Бездны, и когда Апраксинъ 12-го апрѣля прибылъ въ Бездну съ вооруженной командой, то онъ засталъ тамъ толпу числомъ до 5.000 человѣкъ, постоянно притомъ увеличивавшуюся все прибывающими изъ окрестностей крестьянами. Апраксинъ потребовалъ отъ толпы выдачи Петрова, но она отвѣтила протестующими криками.

„Мы сюда по царскому повелѣнію пришли. Царь скажетъ: не хотѣли постоять за мою волю, такъ и работайте опять на господъ". На предостереженіе, что при упорствѣ будетъ отданъ приказъ стрѣлять, бездинцы возражали: „слыхали мы все это отъ станового. Ну какъ же возможно, чтобы въ народъ стрѣляли? мы развѣ бунтовщики какіе!.." Генералъ Апраксинъ доказалъ, что стрѣлять въ народъ можно.

Было дано нѣсколько залповъ, которыми были убиты 55 и раненъ 71 крестьянинъ, и только тогда толпа разсѣялась, а Петровъ вышелъ самъ къ войску, которымъ и былъ вмѣстѣ съ сообщниками арестованъ [1]).

Еще болѣе крупное и серьезное народное движеніе противъ условій ликвидаціи крѣпостного права наблюдалось въ сосѣдней съ Казанской губ.—Пензенской.

Г. Серно-Соловьевичъ въ № 6 „Русскаго Слова" за 1861 г. изложилъ, какъ онъ самъ говоритъ, подлинными словами офиціальныя реляціи, полученныя въ министерствѣ внутрен-

[1]) Пользуюсь изложеніемъ П. Маслова въ его книгѣ „Аграрный вопросъ въ Россіи" т. II стр. 35—37, а также упомянутой ст. И. Игнатовичъ.

нихъ дѣлъ въ теченіе одного мая 61 г. И мы тамъ встрѣчаемся съ описаніями волненій въ цѣлыхъ 8 губерніяхъ. О Пензенской губ. сообщается слѣдующее: Почти одновременно съ казанскими волненіями начались таковыя же и въ трехъ уѣздахъ Пензенской губ. Въ село Черногай, Чембарскаго уѣзда собралась трехтысячная толпа изъ пяти сосѣднихъ крупныхъ имѣній и требовала у начальства скрываемаго указа о настоящей волѣ. Приходъ и размѣщеніе по дворамъ роты солдатъ не утишили толпу. Крестьяне, окруживъ исправника и управляющаго, закричали: „бей, души ихъ“ и наносили имъ тяжкія оскорбленія и побои. На роту наступали съ вилами, кидали съ крышъ кирпичи, бросались на солдатъ и пытались ихъ обезоружить. Командовавшій ротой поручикъ вынужденъ былъ сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ которыми трое изъ крестьянъ убито, четверо ранено. Командиръ возвратился съ ротою на квартиру. Но волненія не переставали распространяться съ возрастающей силой по окрестнымъ селеніямъ. Въ имѣніи Веригина разграбили господскій домъ и едва не убили священника. Командированный въ Пензенскую губ. для содѣйствія гражданскимъ властямъ по приведенію въ дѣйствіе манифеста 19 февраля, свиты его величества ген.-майоръ Дренякинъ съ тремя ротами пѣхоты и однимъ батальономъ конницы двинулся въ с. Черногай. Крестьяне сначала скрылись, а потомъ вышли толпой и выразили раскаяніе, объяснивъ свой протестъ проповѣдью священника Померанцева, а свое упорство помощью изъ сосѣднихъ деревень. Двѣнадцать зачинщиковъ были арестованы.

Между тѣмъ,—продолжаетъ реляція,—возникло броженіе въ сосѣднемъ Керенскомъ уѣздѣ. Среди крестьянъ шли толки, чти при волѣ отмѣнятся всѣ обязательныя отношенія къ помѣщикамъ, и всѣ господскія земли и даже остальное имущество (скотъ) должны перейти къ крестьянамъ.

Центромъ волненія явилось с. Кандѣевка. Главнымъ руководителемъ былъ временно обязанный крестьянинъ Егорцевъ. Принадлежа къ сектѣ молоканъ, онъ въ короткое время успѣлъ пріобрѣсти вліяніе на жителей всего окрестнаго края. Изъ разныхъ деревень присылали за нимъ тройки, становили его на возвышеніе, съ котораго онъ по-своему возвѣщалъ всѣмъ волю. Власть его возросла до того, что онъ началъ дѣлать денежные поборы и убѣждалъ съ угрозами, чтобы въ случаѣ прибытія войскъ никто, подъ опасеніемъ смерти, не выдавалъ своихъ и чтобы никто не вѣрилъ ни земской полиціи, ни предводителю, ни даже царскому послу, какъ онъ самъ называлъ Дренякина.

Изъ деревень четырехъ сосѣднихъ уѣздовъ Пензенской и Тамбовской губ. стеклось въ Кандѣевку до десяти тысячъ крестьянъ, которые, съ криками „воля, воля" разъѣзжали по селеніямъ, оскорбляли священниковъ, били старшинъ и сотскихъ, перехватывали разсыльныхъ.

16 апрѣля прибылъ въ Кандѣевку съ тремя ротами ген. Дренякинъ. Въ продолженіе двухъ дней онъ не прибѣгалъ къ силѣ; но ни личныя его убѣжденія, ни увѣщанія священника и другихъ лицъ рѣшительно не имѣли успѣха. Между тѣмъ, со всѣхъ сторонъ приходили извѣстія, что духъ своеволія быстро распространяется во всѣ стороны, глубоко проникаетъ въ Моршанскій уѣздъ Тамбовской губ., и что всѣ крестьяне смотрятъ съ ожиданіемъ на Кандѣевку. Все это заставило, наконецъ, приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ. 18 апрѣля ген. Дренякинъ предупредилъ крестьянъ, что прикажетъ стрѣлять, и, получивъ отвѣтъ: „дѣлайте, что хотите", рѣшился открыть огонь. Въ толпѣ, стоявшей на улицѣ, было до 1.000 человѣкъ (всего же въ деревнѣ, считая оставшихся по дворамъ, было до 7.000). Дано было три залпа, и послѣ каждаго власти пробовали вновь убѣждать крестьянъ, но безуспѣшно. Убито было 8, ранено 26. Но это

не произвело, повидимому, никакого вліянія на крестьянъ. Тогда ген. Дренякинъ рѣшился испытать, нельзя ли отхватить хоть нѣсколько человѣкъ изъ толпы, что и было исполнено удачно, безъ кровопролитія. Захвачено было и выведено изъ улицы 410 человѣкъ, остальные же разбѣжались. Упорство крестьянъ было такъ велико, что даже захваченные, окруженные войсками, 410 человѣкъ не просили о помилованіи, а попрежнему кричали: „всѣ до одного умремъ, но не покоримся"... И стали виниться лишь тогда, когда приступлено было къ „наказанію" главныхъ зачинщиковъ...

Ген. Дренякинъ оставался въ Кандѣевкѣ до 25 апрѣля и лично распоряжался сельскимъ управленіемъ, приведеніемъ въ порядокъ разстроенныхъ въ имѣніяхъ работъ и толкованіемъ крестьянамъ настоящаго смысла новыхъ законоположеній (Врядъ ли это послѣднее было уже теперь нужно крестьянамъ!).

Зачинщики были немедленно преданы суду и наказаны по мѣрѣ вины [1]).

„Въ настоящее время, заключаетъ реляція, спокойствіе въ Пензенской губ. водворилось повсемѣстно, и полевыя работы производятся въ должномъ порядкѣ".

Въ тѣ же первые мѣсяцы по объявленіи официальной воли констатировано „лжетолкованіе" и всякаго рода неповиновенія и отказы во многихъ другихъ мѣстахъ. Но они, по крайней мѣрѣ, за это время, не достигли такихъ размѣровъ, какъ въ описанныхъ губерніяхъ.

---

[1]) Во всѣхъ другихъ реляціяхъ приводятся точныя цифры числа наказанныхъ и конкретныя наименованія наказаній. Здѣсь же объ этомъ умолчано. Очевидно, мы имѣемъ дѣло съ проявленіемъ своеобразной официальной скромности. Но, зная изъ другихъ реляцій, что наказанія состояли въ публичномъ, при выборныхъ отъ всѣхъ окрестныхъ деревень, истязаніи шпицрутенами (реляція о крестьянинѣ Трухловѣ Сенгелѣевскаго уѣзда), мы можемъ вообразить себѣ, что продѣлывалось въ с. Кандѣевкѣ!

Г. Серно-Соловьевичъ приводитъ описаніе волненій въ трехъ уѣздахъ Симбирской губ., вездѣ закончившихся приводомъ военной команды. Три случая волненій наблюдались въ Самарской губ., причемъ начавшіяся было серьезныя волненія въ Ставропольскомъ уѣздѣ, вызванныя также „непониманіемъ новыхъ отношеній“ и „лжетолкованіемъ крестьянина Суркова“, прекратились лишь вслѣдствіе того, что односельчане, ѣздившіе въ Казанскую губернію, привезли вѣсть о тамошнемъ усмиреніи.

Менѣе значительныя волненія были констатированы въ Калужской и Орловской губ.

Имѣющіяся извѣстія объ отношеніи къ манифесту изъ губерній нечерноземной полосы могутъ быть кратко изложены такимъ образомъ:

Во Владимирской губ. въ нѣсколькихъ имѣніяхъ трехъ уѣздовъ крестьяне „совершенно отказывались отъ исполненія законной барщины, причемъ убѣжденія предводителя и исправника приняли съ угрозами“, или „отказывались платить оброкъ“, или, наконецъ, „требовали смѣны бурмистра“. Во всѣхъ случаяхъ была введена воинская команда.

Въ Петербургской губ. наблюдались волненія въ 9 имѣніяхъ трехъ уѣздовъ. Крестьяне объявляли, что ни на какія работы ходить не согласны, и сами назначали размѣры оброка съ тягла, которые соглашались платить. Въ трехъ случаяхъ введена была команда.

Въ Ярославской губ. крестьяне 4 имѣній трехъ уѣздовъ отказались отъ уплаты повинностей. Во всѣхъ 4 имѣніяхъ для приведенія крестьянъ въ покорность и для внѣдренія въ нихъ сознанія ихъ обязанностей пришлось ввести воинскую команду.

Изъ другой части Россіи, ея юго-запада, имѣются свѣдѣнія только о Подольской губ., гдѣ съ 12 апрѣля по 18 мая „волненія, безпорядки, недоразумѣнія коснулись 141 селе-

нія шести уѣздовъ, въ которыхъ числилось 71.000 душъ". Крестьяне, съ нетерпѣніемъ ожидавшіе свободы, представляли ее себѣ въ совершенно превратномъ видѣ: „спокойствіе и порядокъ были возстановлены въ однихъ селеніяхъ путемъ внушенія, а въ другихъ для этого требовалось введеніе военныхъ командъ для усиленія нравственнаго вліянія властей (sic), и только въ рѣдкихъ случаяхъ наказаніемъ главныхъ виновниковъ".

Таковы отрывочныя свѣдѣнія о волненіяхъ крестьянъ, вызванныхъ актомъ 19 февраля. И. Игнатовичъ въ упомянутыхъ статьяхъ въ „Минувшихъ годахъ", располагая большимъ матеріаломъ, но также касающимся лишь трети или четверти волненій, приходитъ къ такимъ выводамъ:

Изъ извѣстныхъ автору волненій въ 1861 г. въ 279 селеніяхъ 23-хъ губерній волненія въ 192 селеніяхъ вызывались недовольствомъ всей реформой 1861 г. въ ея цѣломъ: крестьяне не хотѣли признавать объявленную имъ волю за настоящую, доподлинную, царскую; въ 43 селеніяхъ безпорядки были вызваны частными сторонами положенія 19 февраля (недовольствомъ размѣромъ надѣла, повинностей и т. п.); въ 9 селеніяхъ—злоупотребленіями властей и помѣщиковъ при введеніи въ жизнь этого положенія; наконецъ, въ 41 селеніи причины волненій не выяснены.

Выражались волненія преимущественно въ отрицательныхъ формахъ—въ отказѣ отъ барщины и оброка, въ неповиновеніи экономическимъ властямъ, рѣже въ дѣлежѣ земель и лѣсовъ. Нерѣдки случаи и свободнаго выбора—безъ посредства мировыхъ посредниковъ—своихъ собственныхъ сельскихъ властей. Насилій надъ личностью помѣщиковъ и чиновниковъ почти не было, и лишь изрѣдка населеніе рѣшалось давать отпоръ правительственнымъ войскамъ.

Нельзя пройти молчаніемъ вопроса о вліяніи сектантства на изслѣдуемое движеніе.

Внимательно изучающій русское сектантство г. Бончъ-Бруевичъ говоритъ слѣдующее:

Въ концѣ 50-хъ годовъ XIX стол. среди крестьянъ сѣвера и юга Россіи все шире и шире распространяется неопредѣленное, не выяснившееся, почти глухое волненіе. Сѣверо-востокъ ознаменовалъ себя именно въ эти годы сильнымъ броженіемъ среди раскольниковъ. Это броженіе реализовалось, наконецъ, въ цѣлый рядъ крестьянскихъ бунтовъ. На югѣ Россіи—родинѣ баптизма, штундизма и раціоналистическихъ сектъ—броженіе среди крестьянъ достигло высшаго предѣла. Администрація терялась и каждую минуту готова была обратиться за помощью къ военной силѣ. Такъ подошло время освобожденія. Народъ ждалъ воли и понималъ ее по-своему, по-народному: воли отъ помѣщиковъ, чиновниковъ, поповъ, воли отъ солдатчины, воли съ землей и безъ особенныхъ повинностей. Манифестъ 19 февраля не только неудовлетворилъ населеніе, но и довелъ многихъ до отчаянія.

Мы вынуждены опять ограничиться только намеками.

Въ одномъ изъ будущихъ центровъ южно-русскаго сектантства, по свидѣтельству Автономова, народъ поднялъ бунтъ: „Прочитавъ манифестъ, любомірскіе крестьяне (с. Любомірки, Херс. губ.), не повѣривъ условіямъ этого освобожденія, подняли бунтъ, для усмиренія котораго потребовалась военная сила. Черезъ годъ протестъ повторился, и опять нужно было усмирять мятежный народъ". („Жизнь" 1902 г. № 1, статья: „Значеніе сектантства для Россіи").

Выше мы видѣли, что вождемъ самаго крупнаго движенія, сконцентрировавшагося вокругъ с. Кандѣевки Пензевской губ., былъ м о л о к а н и н ъ Егорцевъ.

Мы кратко ознакомились съ небольшою частью тѣхъ проявленій протеста, какими была встрѣчена реформа 19 февраля со стороны населенія, благомъ котораго она была

офиціально мотивирована. Все число волненій, какъ мы уже знаемъ, измѣряется цифрою 1.100, а мы описали лишь нѣсколько десятковъ. Правительство, убѣдившись, какое впечатлѣніе производитъ извѣстіе объ отношеніи освобождаемаго населенія къ даруемой ему свободѣ, поспѣшило наложить строжайшій запретъ на эти свѣдѣнія. И только въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ мы узнаемъ во всей полнотѣ, что скрывается за этой цифрой 1.100. Но и того, что стало извѣстно, для вдумчиваго наблюдателя было достаточно, чтобы провидѣть грядущую борьбу крестьянина съ помѣщикомъ за землю, а съ полицейскимъ государствомъ—за волю. Въ той же статьѣ Серно-Соловьевичъ приходитъ къ такому общему выводу: „междусословное недовѣріе у насъ очень крѣпко, и это-то и служитъ причиной начавшихся крестьянскихъ волненій". Если бы авторъ замѣнилъ слова „междусословное недовѣріе" терминомъ „междуклассовый антагонизмъ" и добавилъ бы, что онъ уже привелъ одинъ изъ классовъ въ рѣзкое противорѣчіе съ реальной государственной властью (вспомнимъ слова Петрова и Егорцева о независимости отъ начальства, о подкупности властей), то онъ вполнѣ точно опредѣлилъ бы показательное значеніе народнаго движенія, имъ описаннаго. Спѣшу пояснить, что я употребилъ выраженіе „реальная государственная власть" потому, что это же движеніе еще разъ со всею силой показало живучесть монархической идеи, подъ знаменемъ которой протекали всѣ волненія.

Но, несмотря на эту идею, передъ нами типичное движеніе класса мелкихъ самостоятельныхъ земледѣльческихъ производителей, который стремится получить необходимое ему главное средство его производства—землю и освободиться изъ-подъ властной опеки полицейскаго государства; немало волненій имѣло своимъ поводомъ вопросъ о свободномъ устройствѣ новаго сельскаго управленія.

Изъ описанныхъ фактовъ съ необходимостью устанавливается и такой моментъ: крестьянство жило въ мірской организаціи, міромъ же боролось оно и при крѣпостномъ правѣ, и съ условіями освобожденія отъ крѣпостничества, и міромъ же, какъ увидимъ, будетъ бороться и послѣ формальной отмѣны крѣпостного права до тѣхъ поръ, пока окончательно не разслоится на непримиримо враждебныя другъ другу группы.

III.

1863—1884 годы.

Эти-то черты крестьянскаго движенія, неизмѣнно проявлявшіяся, какъ мы видѣли, во всѣхъ крупныхъ и мелкихъ волненіяхъ въ теченіе цѣлаго вѣка (1762—1863), дали почву для могучаго идейнаго теченія, всѣ свои упованія возлагавшаго на общину и міръ и начертавшаго на своемъ знамени: „земля и воля“. Этому лозунгу, послѣ временнаго увяданія, суждено было почти черезъ полвѣка стать уже не только знаменемъ крестьянскаго движенія или лозунгомъ борьбы одного изъ идейныхъ теченій, но регулятивной идеей національнаго движенія.

Почему же это такъ?

Единственный возможный отвѣтъ тотъ, что, пока не исчезли причины, до тѣхъ поръ будутъ живы и ихъ слѣдствія.

Мы уже выше привели мнѣніе кн. Волконскаго о томъ, что реформа 19 февраля въ экономической своей части санкціонировала лишь сложившіяся во время крѣпостного права хозяйственныя отношенія. Отсюда онъ сдѣлалъ и вполнѣ правильный выводъ. „Реформа передала, такимъ образомъ, эти результаты по наслѣдству послѣдующему време-

ни, которое тоже должно было, должно еще и теперь считаться съ ними" (тамъ же, стр. 351).

И въ самомъ дѣлѣ, экономическій бытъ крестьянства въ существенныхъ своихъ моментахъ остался тѣмъ же: оброкъ продолжалъ существовать въ видѣ выкупныхъ платежей и денежной и натуральной арендной платы, барщина сохранилась въ видѣ отработочной аренды и батрачества, которыя продолжали носить всѣ черты крѣпостной эпохи.

Эти оставшіяся отъ прошлаго формы экономическаго быта были настолько живучи, что скорѣе онѣ уподобляли себѣ новыя хозяйственныя явленія, чѣмъ сами опредѣлялись этими послѣдними.

Несмотря на проведеніе желѣзныхъ дорогъ, развитіе капиталистической индустріи, проникновеніе капитала и въ сельское хозяйство, происходящую въ связи со всѣмъ этимъ дифференціацію среди самого крестьянства,—подавляющее большинство послѣдняго главнымъ источникомъ существованія имѣло мелкое сельское хозяйство, которое оно вело какъ на своихъ надѣльныхъ клочкахъ, такъ и на землѣ помѣщика, которому за это несло оброкъ (аренду) и отбывало барщину (отработки и батрачество).

Вспомнимъ „Письма изъ деревни" Энгельгардта и мы поймемъ, что реформа 19 февраля и развитіе новыхъ капиталистическихъ формъ производства и обмѣна лишь медленно подтачивали экономическій „старый порядокъ" [1]).

---

[1]) Послѣ „Положенія" прошло 12 лѣтъ, а система хозяйства остается у большинства помѣщиковъ та же, обрабатываютъ поля по-старому, нанимаютъ крестьянъ съ ихъ лошадьми и орудіями,—пишетъ авторъ „Писемъ", этотъ на-рѣдкость умный наблюдатель экономической жизни, и, спрашивая, какимъ образомъ могла удержаться до сихъ поръ эта система, отвѣчаетъ такъ: „вникнувъ въ положеніе крестьянъ, въ ихъ отношенія къ помѣщикамъ, я убѣдился, что существующая система держится только потому, что крестьянинъ обрабатываетъ помѣщичьи поля по неимовѣрно дешевымъ цѣнамъ,

Даже промышленный пролетаріатъ, не говоря уже о сельско-хозяйственномъ, въ большей своей части является отхожимъ крестьянскимъ промышленникомъ, подобнымъ крѣпостному оброчному крестьянину, отпущенному бариномъ въ заработки на промыселъ. Деревенскія нужды гонятъ его въ городъ, изъ деревни онъ получаетъ паспортъ, въ деревню онъ шлетъ „подати", и сельское начальство вольно его за недоимку вернуть изъ города, лишивши его паспорта; отцу, матери, а часто женѣ и дѣтямъ, оставшимся въ деревнѣ у своей земли, у своего хозяйства, вынужденъ онъ высылать значительную долю своей ничтожной заработной платы, суживая свое потребленіе до такой степени, отъ которой пришелъ бы въ ужасъ его западно-европейскій, свободный отъ земли собратъ.

Экономическія новообразованія, внося бо́льшую сложность въ жизненныя отношенія, гораздо сильнѣе развивали потребности, чѣмъ увеличивали средства къ ихъ удовлетворенію, такъ какъ безсильны были разрушить фундаментъ прежняго строя. Большинство населенія страны попрежнему вынуждено было находить важнѣйшій источникъ существованія въ мелкомъ земледѣльческомъ производствѣ и притомъ не только на своей, но и на чужой землѣ, арендуемой какъ за деньги, такъ и исполу, и даже за отработки. Это мелкое хозяйство сначала „разстраивалось", потомъ „разорялось", наконецъ, „стало на край гибели", а хозяйственная эволюція не выработала формъ, которыя поглотили бы трудъ разоряющагося и гибнущаго большинства трудящихся массъ.

Отсюда-то и проистекала неминуемость продолженія въ пореформенной Россіи той же упорной борьбы крестьянина

по необходимости, по причинѣ своего бѣдственнаго положенія, такъ какъ, обрабатывая только свой надѣлъ и не имѣя посторонняго заработка, крестьянинъ не въ состояніи былъ бы прокормиться и отдать оброкъ", („Письма изъ деревни" третье изд., стр. 178—180, 663).

за уничтоженіе оброка и барщины, за землю, какъ за основное средство производства, борьбы, которая, какъ мы видѣли, давала содержаніе народнымъ движеніямъ въ теченіе послѣдняго столѣтія дореформенной Россіи.

Русское крестьянство стремилось къ той формѣ ликвидаціи феодальнаго экономическаго строя, которая наблюдалась во Франціи, Швеціи,—или, еще вѣрнѣе, къ земельнымъ отношеніямъ, подобнымъ установившимся въ нѣкоторыхъ западныхъ колоніяхъ—въ Канадѣ, Австраліи, т.-е. къ мелкому самостоятельному хозяйству на своей или общественной землѣ, отданной въ прочное пользованіе производителя. Далеко идущую аналогію съ борьбою русскаго крестьянства представляетъ борьба крестьянина Ирландіи, завершившаяся, въ концѣ концовъ, переходомъ земли въ его руки.

Этимъ объясняется борьба за землю.

Необходимость борьбы съ государственной властью проистекала, во-первыхъ, изъ того, что послѣдняя и послѣ 19 февраля видѣла свою главную задачу не только въ сохраненіи за помѣщикомъ его земли, но и въ обезпеченіи ему „рабочихъ рукъ“, а во-вторыхъ, вызывалась тѣмъ, что административно-правовая жизнь массъ попрежнему носила крѣпостническій характеръ.

Значительная часть правъ бывшаго владѣльца на личность крестьянина перешла къ міру и старостѣ, а міръ и староста подчинены были власти начальства почти съ той же полнотой, какъ и прежде власти помѣщика.

Но я сказалъ „почти“,—и въ тѣхъ измѣненіяхъ, которыя за этимъ словомъ скрываются, таился источникъ новыхъ формъ борьбы, а частью и новыхъ ея цѣлей, съ которыми мы встрѣтимся въ дальнѣйшемъ.

Не забудемъ также, что и въ экономическихъ отношеніяхъ сохраненіе ихъ дореформенной сущности не парализовало безусловно развитія новыхъ сторонъ.

Распорядокъ хозяйственной жизни уже не зависѣлъ отъ произвола помѣщика и бурмистра. Частью сильно развились другіе, кромѣ мелкаго хозяйства, источники заработка, частью появились совершенно новыя формы производства.

Борьба крестьянина съ помѣщикомъ дополняется и видоизмѣняется борьбой пролетарія съ крупнымъ капиталистомъ, а также съ выдѣляющимся изъ самого крестьянства мелкимъ капиталистомъ, „кулакомъ“.

Борьбѣ съ мѣстнымъ начальствомъ суждено было вырости въ борьбу съ полицейскимъ государствомъ вообще.

Но, повторяю, сущность борьбы, какъ съ точки зрѣнія цѣлей, такъ и со стороны средствъ, осталась тѣмъ же самымъ; тѣмъ же самымъ остался и самъ историческій дѣятель, мелкій крестьянинъ, съ его противо-помѣщичьими и анти-капиталистическими стремленіями.

„Въ современномъ обществѣ,—говоритъ П. П. Масловъ въ своемъ „Аграрномъ вопросѣ“,—наряду съ капиталистическими хозяйствами существуютъ мелкія хозяйства, организованныя для добыванія средствъ существованія самого производителя. Несомнѣнно, что между этими двумя типами хозяйствъ существуетъ коренное различіе по экономической и соціальной организаціи и по цѣлямъ, которыя преслѣдуетъ то или другое хозяйство“ (т. I, изд. 4, стр. 29).

Это различіе доходитъ до противоположности стремленій, а въ земледѣліи приводитъ къ борьбѣ изъ-за обладанія и пользованія землею. Вражда къ помѣщику, какъ стараго феодальнаго, такъ и новаго капиталистическаго типа, удержавшаго существенныя черты своего историческаго предшественника,—вотъ съ чѣмъ мы прежде всего встрѣтимся въ дальнѣйшемъ движеніи крестьянства.

Возвращаясь къ прерванному фактическому описанію борьбы крестьянства, мы должны отмѣтить, что движеніе 61—63 годовъ замерло не только потому, что было механи-

чески подавлено, но и вслѣдствіе того, что новое положеніе все же представляло нѣкоторыя новыя возможности къ пріисканію источниковъ существованія и, кромѣ того, несомнѣнно, заключало въ себѣ освобожденіе отъ непосредственнаго гнета крѣпостника-барина. Тотъ же Энгельгардтъ свидѣтельствуетъ, что, пріѣхавъ черезъ два года послѣ акта 19 февраля въ деревню, онъ поразился значительной перемѣной къ лучшему въ положеніи крестьянина, несмотря на отрѣзки и высокіе платежи, не окупаемые доходностью земли. „Крестьяне строятся,—писалъ онъ въ 1863 году,— дѣятельно разрабатываютъ свои надѣлы". „Крестьянинъ можетъ найти денежный заработокъ, онъ можетъ за безцѣнокъ взять въ аренду землю, т. к. помѣщики почти вездѣ запускаютъ чуть ли не половину прежней, обрабатываемой барщиной, пашни [1])".

Бытъ крестьянъ перестраивался въ зависимости отъ измѣнившихся экономическихъ и политическихъ условій.

Измѣнялись ихъ отношенія какъ къ государственной власти, такъ и къ помѣщику, создавались новыя отношенія къ промышленному капиталу, внутри самаго крестьянства происходилъ глубокій процессъ разслоенія. Началась борьба личности съ міромъ, безхозяйныхъ крестьянъ съ хозяй-

---

[1]) „Письма изъ деревни", изд. 3-е „Приложеніе", стр. 663—667. С. Ю. Витте въ своей „Запискѣ по крестьянскому дѣлу" (изд. „Обществ. Пользы") констатируетъ, на основаніи офиціальныхъ данныхъ, что „въ теченіе первыхъ 15 лѣтъ послѣ реформы повсюду можно было арендовать землю дешевле, чѣмъ приходилось платить за свою надѣльную землю". Объясняетъ онъ этотъ фактъ тѣмъ, „что выкупные платежи значительно превышали земельную ренту, представляя изъ себя скрытое вознагражденіе за отмѣненныя права на личность крестьянина" (стр. 57). Г. Лященко въ упомянутой работѣ утверждаетъ, что крестьянскія запашки обнаруживаютъ вслѣдъ за реформой быстрое и сильное расширеніе, какъ въ черноземной, такъ и въ нечерноземной полосѣ (стр. 219).

ственными, но вмѣстѣ съ тѣмъ сохранялись условія и для продолженія борьбы всего, или почти всего „міра" съ бариномъ и начальникомъ. Однимъ словомъ, деревня представляла изъ себя арену борьбы двухъ противоположныхъ общественныхъ укладовъ: стараго феодальнаго и новаго буржуазнаго.

Такъ какъ каждому изъ этихъ укладовъ свойственъ опредѣленный типъ соціальной борьбы, то явилась своеобразная конкуренція между самыми типами борьбы,—конкуренція, доходящая до взаимной враждебности разныхъ районовъ и даже отдѣльныхъ селеній, находящихся въ различныхъ условіяхъ и переживающихъ различныя стадіи эволюціи.

Это обстоятельство и обусловило возможность тѣхъ глубокихъ разногласій въ пониманіи крестьянства, въ оцѣнкѣ самыхъ фактовъ его быта и эволюціи, которыя характеризуютъ русскую общественную мысль, и на почвѣ которыхъ постепенно созрѣвалъ великій расколъ интеллигенціи на два враждующихъ лагеря,—мы говоримъ о народникахъ и марксистахъ.

Одни обращали свой умственный взоръ исключительно на „мірского" мужика, живущаго еще натуральнымъ хозяйствомъ, другіе, тщательно регистрируя новыя явленія въ деревнѣ, упорно закрывали глаза на силу стараго, считая его уже погибшимъ. Первые жили идеализаціей прошлаго, вторые, вперивъ свой взоръ въ будущее, незамѣтно для себя подмѣнили имъ настоящее.

Между тѣмъ мы увидимъ, что только ясное сознаніе полной противорѣчивости настоящаго могло помочь правильно понять крестьянскую борьбу, оцѣнить, что перевѣсъ въ ней, вплоть до кореннаго преобразованія экономическаго и политическаго строя страны, имѣютъ и будутъ имѣть моменты, свойственные прошлому—феодально-

полицейскому обществу, а не нарождающемуся—буржуазно-правовому.

Только революція, рѣшающую роль въ которой суждено было сыграть мужику, стремящемуся къ независимому мелкому хозяйству, могла дать перевѣсъ типу борьбы, свойственному обществу буржуазному.

Какой же типъ преобладалъ въ крестьянскомъ движеніи до революціи, мы увидимъ сейчасъ, перейдя къ описанію возобновившихся послѣ пятнадцати-лѣтняго перерыва волненій сельской Россіи.

Въ концѣ второго десятилѣтія послѣ реформы уже появились—правда, еще не очень яркіе—признаки того, что крестьянское движеніе въ его дореформенномъ смыслѣ еще не отошло въ область исторіи. „Хожденіе въ народъ“ въ началѣ 70-хъ годовъ не вызвало крупнаго народнаго движенія: крестьянство приспособлялось къ новымъ условіямъ, которыя еще не накопили горючаго матеріала для революціоннаго кризиса. Но единственное исключеніе — печальной памяти Чигиринское дѣло—уже носило въ себѣ задатки грядущаго. Вотъ какъ излагается первое (до вмѣшательства Стефановича) Чигиринское дѣло въ № 1 „Начала“ за 1878 г.

Первое время послѣ введенія въ Малороссіи на основаніи Положеніи 19-го февраля участковаго землевладѣнія крестьяне были относительно довольны, такъ какъ принципъ равнаго надѣла былъ отчасти осуществленъ. Скоро равенство надѣловъ рушилось, земля стала переходить отъ бѣдныхъ къ богатымъ и скопилась почти цѣликомъ въ рукахъ послѣднихъ. Поднялся ропотъ, и такъ какъ народъ полонъ былъ надеждъ на царя, то посланъ былъ ходокъ къ нему, Ѳома Прядко; онъ вернулся съ легендой о личной бесѣдѣ съ царемъ, въ которой-де царь призывалъ къ насильственной борьбѣ съ помѣщиками и къ введенію общиннаго землевладѣнія.

Крестьяне приступили къ передѣлу; когда же вмѣшались власти, они наотрѣзъ отказались повиноваться, вслѣдствіе чего и были подвергнуты „усмиренію". Ѳома Прядко былъ арестованъ. Стефановичъ затѣмъ продолжилъ его дѣло, съ тѣмъ же, конечно, результатомъ.

Въ 1877 году статистикъ Янсонъ издаетъ свое изслѣдованіе о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ, гдѣ приходитъ къ такому общему выводу: „мы прошли всю Европейскую Россію отъ сѣвера Вятской губ. и степей Оренбургскихъ и Самарскихъ до Подоліи, Польши и Литвы, отъ болотъ Новгородскаго Полѣсья до степей Новороссіи и вездѣ нашли много сходнаго въ положеніи массы нашего крестьянства. Вездѣ мы нашли въ немъ слабую обезпеченность хозяйственнаго быта, особенно въ той части, которая великимъ актомъ 1861 г. призвана къ благоденствію и процвѣтанію свободнаго труда".

Какіе соціальные плоды произрастали на почвѣ этой „слабой обезпеченности быта", иллюстрировалъ процессъ крестьянъ с. Люторичъ Епифанскаго уѣзда, Тульской губ. Обозрѣватель „Юридическаго Вѣстника" (1881 г. № 1), излагая этотъ процессъ, подчеркиваетъ, пользуясь статистическими матерьялами, что обнаруженная имъ система отношеній „довольно широко распространена".

Состояла же эта система не въ чемъ иномъ, какъ въ умѣніи сохранить крѣпостное право,—пользуясь, однако, при сохраненіи существа дореформенныхъ экономическихъ отношеній, X томомъ гражданскихъ законовъ и судебными уставами 1864 г.

Хотя люторическіе крестьяне, помимо земледѣлія, занимались еще мостовщиной и возкой песку, но эти промыслы не могли обезпечить ихъ существованія, и имъ приходилось, на какихъ бы то ни было условіяхъ, снимать землю, потому что при одномъ ихъ надѣлѣ имъ грозила чуть ли не

голодная смерть. А между тѣмъ, земли, помимо графа Бобринскаго, взять было негдѣ: владѣнія послѣдняго, какъ желѣзнымъ кольцомъ, охватывали с. Лютерцы. Пользуясь этимъ положеніемъ, „экономія заключала съ крестьянами такіе, напримѣръ, договоры: Беретъ крестьянинъ взаймы 59 руб., и въ договорѣ назначается неустойка въ 30 р. за 7 дней, а сверхъ 7 дней—жилая изба, корова, 3 лошади и вообще все, что найдется у крестьянина".

Встрѣчались и такіе договоры, въ которыхъ значилось, что вся деревня Михайловка продала все свое имущество Фишеру (управляющему Бобринскаго) съ тѣмъ, что, если Фишеръ согласится, то она можетъ выкупить это имущество, отработавши ту работу, которую Фишеръ пожелаетъ указать. И эти договоры,—по показанію на судѣ члена уѣзднаго присутствія и исправника, — исполнялись! Недаромъ г. Фишеръ заявлялъ, что онъ „купилъ мирового судью"!!

Наконецъ, 16 іюня 1877 г. сельское общество с. Люторичъ уполномочило нѣкоторыхъ изъ своихъ членовъ выдать Фишеру заемныя обязательства на 5197 р. 39 к. за долгъ, образовавшійся изъ оброчной недоимки и за аренду земли. 22 апрѣля слѣдующаго года, долгъ этотъ уже выросъ въ 5500 руб. (таковы были „проценты"), и „міръ" разсуждалъ, какъ выплатить долгъ, и рѣшилъ его „отработать". Ну, развѣ не типичная картинка крѣпостной эпохи: міръ думаетъ, какъ отбыть барскую работу,—и оказывается, X томъ вполнѣ вмѣщаетъ эти картинки!

Былъ заключенъ новый нотаріальный договоръ, по которому общество обязалось отрабатывать въ теченіе 6 лѣтъ по 137½ дес. въ каждомъ полѣ. По мѣстнымъ, даже Фишеровскимъ цѣнамъ, заработная плата за эти работы равнялась 6862 р. 50 к., а въ договорѣ значилось, что эту сумму крестьяне получили впередъ, тогда какъ это были все тѣ же 5198 р. 39 к. Но г. Фишеру и этого было мало. Несмотря на

заключеніе нотаріальнаго договора, онъ оставилъ у себя и заемныя письма, замѣняемыя договоромъ, и когда, по расчету самого Фишера, крестьяне успѣли уже отработать 1813 р., то г. Фишеръ, недовольный, должно быть, „качествомъ“ работы предъявилъ ко взысканію заемныя письма. Состоялось заочное рѣшеніе (документы вѣдь безспорные!), и г. Фишеръ получилъ исполнительные листы. 22 апрѣля 1879 г. г. Фишеръ съ судебнымъ приставомъ и исправникомъ явился для описи „вообще всего, что имѣется у крестьянъ“. Но послѣдніе заявили, что съ нихъ вторую шкуру дерутъ, и потому до описи они не допустятъ. Фишеръ убрался. Крестьяне на сходахъ всѣмъ міромъ согласились не допускать до новой описи. 3-го мая къ нимъ нагрянула уже цѣлая „эскадра“, какъ выражался въ такихъ случаяхъ одинъ изъ героевъ Гл. Успенскаго: судебный приставъ, исправникъ, становой, окруженные ордой новыхъ благородій [1])—урядниками, хотя и вновь назначенными, но успѣвшими уже заслужить прозвище „курятниковъ“. Приставъ попытался приступить къ описи, но раздались голоса: „не ходите, въ колья возьмемъ!“ Неустрашимый приставъ подвигался далѣе. Разъяренная толпа кинулась на старшину, сопровождавшаго пристава, и избила его; высшаго начальства толпа не осмѣлилась трогать. Хотя старшину урядники отбили, но опись все же пришлось отложить, правда, не надолго. На другой день вице-губернаторъ пріѣхалъ и уговаривалъ крестьянъ, но безуспѣшно. 5 мая пришелъ батальонъ солдатъ. Крестьяне попытались было снова оказать сопротивленіе описи, даже ударили въ набатъ, но были „разсѣяны“, и до 200 зачинщиковъ было арестовано. Послѣ этого сопротивленіе прекратилось, и опись движимаго имущества была произведена. Затѣмъ перешли къ недвижимому.

---

[1]) Выраженіе Энгельгардта.

„Немудрено,—заключаетъ обозрѣватель,—что между Люторичами и экономіей установились отношенія, характеризуемыя, какъ состояніе „вынужденной страхомъ и сознаніемъ своей полной зависимости приниженности и постепенно нараставшаго раздраженія и глухой ненависти за испытанныя обиды—съ одной стороны, и циничной, безпощадной безсердечности—съ другой". Сейчасъ мы увидимъ, что эту характеристику съ полнымъ правомъ можно было бы распространить на многія и многія веси Россіи, если не на большинство ихъ.

Изъ другого конца Россіи (Смол. губ.) Энгельгардтъ въ то же время (1880 г.) писалъ: „между помѣщиками и сосѣдними крестьянами идетъ постоянная борьба, главнымъ образомъ, на почвѣ „необходимости" для помѣщика мужицкой работы".

„Помѣщикъ хочетъ забрать мужика, надѣть на него хомутъ, ввести его въ оглобли, а мужикъ не дается, выбивается... Всѣ помышленія помѣщика: сдать мужику въ обработку землю—за выгонъ, за отрѣзы, за деньги. Всѣ помышленія мужика—какъ бы обойтись безъ этого. Мужикъ, имѣющій свое хозяйство,—подчеркиваетъ авторъ основную причину и главный соціальный смыслъ борьбы,—вовсе не хочетъ работать въ чужомъ хозяйствѣ, и тамъ, гдѣ мужикъ отбился, тамъ крестьянинъ поправляется, а гдѣ его обраталъ помѣщикъ, тамъ царитъ бѣдность и пьянство („Пис. изъ дер.", 486) [1]).

Что касается крестьянскаго движенія, то Энгельгардту пришлось лишь констатировать начавшееся, особенно съ русско-турецкой войной, возбужденіе умовъ въ деревнѣ. Онъ поразился, съ какой свободой говорятъ мужики на схо-

[1]) Мы поймемъ теперь, почему даже порвавшая съ народническими иллюзіями группа „освобожденія труда" въ лицѣ г. Плеханова говорила о „возстановленіи крестьянскаго хозяйства.

дахъ. „Мужикъ ничего не боится. Публично, всенародно, на улицѣ, среди деревни мужикъ обсуждаетъ всевозможные политическіе, соціальные вопросы—открыто, все, что думаетъ". Характерно объясненіе Энгельгардта: „мужикъ, когда онъ ни царю, ни пану не виноватъ, т.-е. заплатилъ все, что полагается,—спокоенъ". Темой этихъ свободныхъ бесѣдъ служила все та же вѣковѣчная мысль о грядущемъ передѣлѣ: „весь мужикъ—по выраженію автора—увѣренъ, что милость насчетъ земли будетъ, и будетъ скоро" („Пис.. изъ дер"., 551).

Итакъ, народъ, хотя и волновался, но волновался пассивно, ожидая царской милости, и „былъ спокоенъ"—„пріобрѣталъ свободу сужденія", лишь отбывъ повинности государству и помѣщику [1].

Понятно, почему „Начало", въ мартѣ 1878 г. въ № 1 говорило: „въ народѣ нѣтъ пока скопленія революціонныхъ силъ, достаточныхъ для немедленной соціальной революціи". Но вмѣстѣ съ тѣмъ „Началу" представлялось „несомнѣн-

---

[1]) Что толки о земельномъ передѣлѣ достигли значительнаго развитія, ясно изъ факта изданія знаменитаго Маковскаго циркуляра 16 іюня 1879 г. (предвосхитившаго не менѣе знаменитую декларацію Горемыкина 13 мая 1906 г.) „Съ нѣкотораго времени между сельскимъ населеніемъ стали ходить ложные слухи и толки о предстоящемъ будто бы общемъ передѣлѣ земель. По особому Государя Императора повелѣнію, объявляю, что ни теперь, ни въ послѣдующее время никакихъ дополнительныхъ нарѣзокъ къ крестьянскимъ участкамъ не будетъ и быть не можетъ. При дѣйствіи нашихъ законовъ о правѣ собственности, никогда не можетъ случиться такой неправды, такой обиды, чтобы земля, законнымъ порядкомъ за кѣмъ-либо укрѣпленная, была у законнаго владѣльца отнята и передана другому". Циркуляръ этотъ, по свидѣтельству предсѣдателя Саратовскаго губернскаго земскаго собранія, вызвалъ дѣйствіе обратное тому, которое онъ желалъ произвести, „онъ то самъ и былъ главнѣйшимъ поводомъ къ распространенію въ народѣ толковъ о новомъ надѣлѣ землею" (тамъ же стр. 37).

нымъ, что народъ переживаетъ процессъ накопленія революціонныхъ силъ, совершающійся такъ же неотразимо и неуклонно, какъ движеніе планетъ въ небесномъ пространствѣ“. Въ октябрѣ того же года вышелъ въ свѣтъ 1-й номеръ „Земли и Воли“ съ такой мотивировкой заглавія—девиза журнала: „Земля и Воля—вотъ два магическихъ слова, много разъ поднимавшія изъ глубины Россіи могучія, стихійныя движенія. Земли, какъ общаго достоянія тѣхъ, кто на ней работаетъ, и воли, какъ общаго права всѣхъ людей самимъ распоряжаться своими дѣлами“. Въ слѣдующемъ номерѣ (дек. 1878 г.) журналъ высказался о значеніи крестьянства для судебъ Россіи. Можно смѣло сказать: „у насъ,—что мужикъ захочетъ, то и будетъ“. Въ № 5 (18апр. 1879 г.) мы находимъ попытку дать соціологическое опредѣленіе крестьянства.

„Міръ крестьянства не представляетъ собою чего-то безцвѣтнаго и инертнаго, на чемъ можно писать все, что угодно, или толкать его, куда вздумается. Наше крестьянство не даромъ прожило тысячелѣтіе: оно выработало свои идеалы общественные и экономическіе, создались извѣстныя традиціи жизни и б о р ь б ы, оно не пойдетъ во имя тѣхъ идеаловъ, жизнеспособность которыхъ не указываетъ ему его собственное чувство. Міръ крестьянства, міръ равенства, міръ самоуправленія, свободы, построенной на прочномъ базисѣ экономической независимости, какую даетъ крестьянину его право на землю,—этотъ міръ столкнулся съ государствомъ. Крестьянство не уступило этой силѣ безъ бою и вело съ ней борьбу; оно развило систему эмиграціи, упорно защищало общину, создало вольное казачество и среди крѣпостного права выработало цѣлую конституцію крѣпостного права, фактически регулировавшую его отношенія къ господамъ и начальству. Крестьянство противопоставило государственнымъ теоріямъ свой расколъ, доходящій въ край-

нихъ сектахъ до полнаго отрицанія всего существующаго строя. Оно не только словомъ, но и дѣломъ, съ топоромъ и дубиной въ рукахъ защищало свои права, и въ моментъ особенно невыносимаго гнета поднималось цѣлыми массами на борьбу съ ненавистнымъ ему государствомъ. Всѣ наблюдатели нашей деревни удивляются стойкости и упорству, которыя крестьяне и понынѣ проявляютъ въ этой борьбѣ [1]). Несмотря на то, что въ этихъ словахъ нашла свое яркое выраженіе идеализація прошлаго, мы привели эту цитату потому, что не все въ ней было плодомъ фантазіи. Съ міромъ, съ общей гуртовой борьбой, стремленіями къ равненію мы уже встрѣчались, и еще разъ встрѣтимся при описаніи народныхъ движеній. Но въ деревнѣ нашли себѣ мѣсто и оказывали свое вліяніе силы противоположныя. Не совсѣмъ слѣпы и глухи къ нимъ и сами землевольцы. Непосредственно за цитированными словами слѣдовало: „Но эта борьба въ общей сложности далеко не велась успѣшно. Шагъ за шагомъ крестьянину приходилось уступать свои позиціи; онъ такъ мало надѣется на свои силы, что его поддерживаетъ лишь вѣра въ царя. Государство уродуетъ крестьянина, всѣ его помыслы обращаетъ на добываніе гроша денегъ и куска хлѣба, жертвуя и своимъ достоинствомъ и нравственными понятіями, оно охолопливаетъ мужика“.

Особенно чутки были къ этому голосу жизни народовольцы, отколовшіеся отъ землевольцевъ, именно потому, что потеряли вѣру въ возможность поднять общенародную революцію.

Въ № 2 „Народной Воли“ 1 октября 1879 г. читаемъ: „крестьянинъ приниженъ, забитъ... Некогда жить для себя, некогда

---

[1]) См. изд. Б. Базилевскаго „Революціонная журналистика 70-хъ годовъ“ стр. 403.

думать, не о чемъ думать. Такова же обстановка и міра. Поставить рекрутовъ, собрать подати, взыскать недоимки, отправить натуральныя повинности—вотъ жизнь міра. И насколько обезличивается личность, настолько же обезличивается и община“.

И въ противовѣсъ идеѣ единаго міра, въ которомъ царитъ равенство, народовольцы понимали, что „такая обстановка какъ бы нарочно придумана для того, чтобы породить кулака“. Для человѣка умнаго, энергичнаго, имѣющаго потребность личной жизни, въ той средѣ нѣтъ выхода: либо погибать съ міромъ, либо самому сдѣлаться хищникомъ. Въ большинствѣ случаевъ кулакъ совершенно искренно презираетъ міръ [1]).

Не ускользнуло отъ народовольцевъ и типичное для крестьянства ожиданіе помощи отъ посторонней силы.

Въ очеркѣ „Изъ деревни“, помѣщенномъ въ № 1 листка Нар. Воли отъ 15 іюля 81 г., читаемъ.

„Прислушиваясь къ говору, присматриваясь къ броженію, совершающемуся въ народѣ, я приходилъ къ убѣжденію, что въ народномъ сознаніи отсутствуетъ представленіе о способахъ добыванія себѣ льготъ, о формѣ, въ которую должно вылиться его активное отношеніе къ окружающему злу. Онъ находится въ ожиданіи чего-то, дѣйствія какой-то силы, внѣ его существующей [2]). Словомъ, народъ чувствуетъ себя въ положеніи человѣка, скорѣе готовящагося наблюдать событія, чѣмъ дѣйствовать: а тамъ, що далі буде, побачимо“ [3]).

---

[1]) Литература партіи Н. В.

[2]) Сравните мнѣнія Г. В. Плеханова объ отношеніи крестьянства къ I-й Думѣ: „народъ провожалъ депутатовъ Думы съ восторженнымъ энтузіазмомъ, именно потому, что считалъ ихъ той силой, которая ему поможетъ справиться со своими врагами“.

[3]) Лит. Партіи Н. В., в. I, стр. 243—244

Стремясь къ трезвому пониманію крестьянства и его движенія, „Нар. Воля“ внимательно слѣдила за настроеніемъ и активными проявленіями борьбы въ деревнѣ.

Въ № 6 „Нар. Воли“ находимъ корреспонденцію изъ Воронежа, помѣченную сентябремъ 1881 г.: „ожиданія новой нарѣзки земли, повсемѣстно въ губерніи, за рѣдкими исключеніями—усилились. Передѣлъ, по общему убѣжденію, долженъ состояться на основаніи указа отъ царя“.

Болѣе чѣмъ интересны свѣдѣнія корреспонденціи о томъ, какъ народъ представлялъ себѣ грядущій передѣлъ: О самомъ передѣлѣ существуетъ три взгляда. 1) Вся земля будетъ взята у пановъ,—и всѣхъ, въ томъ числѣ и баръ, надѣлятъ по 8 дес.; 2) у баръ отымутъ излишекъ свыше 500 дес. и отобранную землю подѣлятъ между крестьянами по достаткамъ: кто изъ нихъ можетъ больше платить, тотъ больше и получитъ; 3) сходное съ прежнимъ, но съ тѣмъ различіемъ, что земля будетъ отдаваться не въ собственность, а въ аренду, какъ общинамъ, такъ и отдѣльнымъ лицамъ. Земля, по болѣе распространенному мнѣнію, отойдетъ крестьянамъ за выкупъ, по примѣру надѣла землей при освобожденіи [1]).

Далѣе корреспондентъ удостовѣряетъ: „большинство думаетъ, что царя убили баре, хотя изъ города черезъ прислугу идетъ другое теченіе: царя убили соціалисты за насъ, за крестьянъ“.

Междуклассовыя отношенія въ деревнѣ формулируются корреспондентомъ въ такихъ словахъ: „Антагонизмъ между сословіями, особенно между крестьянами и помѣщиками, за

---

[1]) Нельзя не отмѣтить, что на учредительномъ съѣздѣ „Всероссійскаго Крестьянскаго Союза“ 1905 г. воскресли всѣ эти проекты, въ которыхъ отразились глубокія, межгрупповыя различія крестьянъ. Отъ бѣдноты, очевидно, исходили проекты перваго и третьяго типа, отъ крестьянъ средняго достатка и зажиточныхъ—второго.

нынѣшнее лѣто страшно усилился. По всей губерніи ходятъ слухи, что пришла какая-то бумага, запрещающая работать на помѣщика; какъ вслѣдствіе этихъ слуховъ, такъ особенно хорошаго урожая, рабочая плата поднялась на 20%—40% и даже на 100%, но и за такую цѣну крестьяне иногда отказываются работать. Такія отношенія мѣстами обостряются, и тутъ слѣдуютъ поджоги, воровство скота, хлѣба. Воровство копенъ съ поля повсемѣстное. Поджоги все болѣе распространяются" [1]).

Въ № 8—9 отъ 5 февр. 1882 изъ корреспонденціи о саратовской деревнѣ узнаемъ [2]). „Толки о передѣлѣ помѣщичьихъ земель между крестьянами становятся все настойчивѣе. Прежнія надежды крестьянства на то, что передѣлъ этотъ совершится по указу царя, начинаютъ мало-по-малу терять подъ собою почву; въ крестьянствѣ все болѣе и болѣе развивается сознаніе необходимости насильственнаго захвата земель, непосредственными усиліями народа. Первые шаги по этому пути уже сдѣланы.

Въ Кузнецкомъ уѣздѣ у арендатора В. крестьяне ночью свезли весь хлѣбъ съ половинныхъ посѣвовъ и, когда онъ вздумалъ было силой возвратить свои снопы съ крестьянскихъ гуменъ, то былъ встрѣченъ дружнымъ натискомъ въ колья вилы и т. п. У владѣльца С. Саратовскаго у. было скошено и свезено съ луговъ сѣно, прежде сдававшееся крестьянамъ и удержанное за недоимки. Въ Аткарскомъ у. у помѣщика Ш. за многолѣтнія притѣсненія сожжено гумно съ хлѣбомъ на нѣсколько тысячъ. Въ нѣкоторыя села становые и урядники не показываются иначе, какъ съ большимъ конвоемъ сотскихъ и казаковъ. Особенно плохо приходится урядникамъ. Въ Саратовской губ. нынѣшними осенними праздни-

---

[1]) Лит. Парт. Нар. В., стр. 283, в. I.

[2]) Тамъ же, в. I, стр. 40.

ками было уже до 20 случаевъ, что урядниковъ избивали, какъ говорится, до полусмерти, и это въ такихъ близкихъ къ Саратову селахъ, какъ Кирсановка и др.“ [1]).

Чрезвычайно интересный очеркъ находимъ въ № 15 „Вѣстника Нар. Воли“. Онъ носитъ заглавіе „Думы и слухи въ народѣ“ и содержитъ описаніе личныхъ впечатлѣній партійнаго работника, побывавшаго въ разныхъ губерніяхъ. Въ 1880 г. ему пришлось быть въ одномъ изъ уѣздовъ Новгородской губ. Хотя эта губернія многоземельная, и мужики тяготѣютъ къ Питеру, но все же крестьяне вѣрятъ въ равненіе, такъ какъ „земля на срокъ господамъ дȁдена“, причемъ объясняютъ отсрочку тѣмъ, что „царю покою нѣтъ, тутъ его ловятъ, тамъ въ него стрѣляютъ“. Въ 1881 г. авторъ попалъ въ центръ черноземной Россіи, въ страну глубокой нищеты, гдѣ цѣна десятины доходитъ до 300 р., гдѣ крестьянамъ податься некуда, гдѣ царятъ отработки. Здѣсь ожиданія земли достигли поразительной остроты и болѣзненности. У одной помѣщицы стали на ея глазахъ производить раздѣлъ ея земли. Во время отсутствія другого помѣщика, находившагося подъ арестомъ, подѣлили его землю.

Дальше къ югу, въ губерніи съ преобладающимъ четвертнымъ владѣніемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, съ крестьянами „на дарѣ“, авторъ встрѣтился не только съ тѣми же ожиданіями: „баре будутъ служить—жалованье получать, а мужики будутъ пахать“, но и съ активными проявленіями борьбы.

„Если на мужика ужъ очень насѣдаютъ, онъ пускаетъ „краснаго пѣтуха“ или самовольно запахиваетъ помѣщичью землю,—случаевъ поджоговъ и запахиваній такъ много, что перечислять ихъ не стоитъ. Передъ самымъ манифестомъ о

---

[1]) Эти данныя о Сарат. дер. 1882 г. отчасти объясняютъ намъ, почему въ 1905 г. эта губернія служила ареной самыхъ широкихъ волненій и была одной изъ немногихъ, въ которыхъ аграрное движеніе не опиралось на то, что „теперь позволено“.

коронаціи 1883 г., крестьяне надѣясь на то, что наконецъ-то отойдетъ имъ барская земля, отказывались отъ условій по найму, ранѣе заключенныхъ, и хотя и, терпѣли нужду, но отказывались отъ заключенія новыхъ. Поэтому манифестъ произвелъ глубокое впечатлѣніе: мужикъ ждалъ многаго, получилъ малое: сложили лишь недоимки". Крестьянинъ убѣдился, что земля опять не отошла. Когда авторъ корреспонденціи въ бесѣдѣ съ однимъ крестьяниномъ убѣждалъ его, что земля такъ и не отойдетъ, то услышалъ въ отвѣтъ: „Не отойдетъ! да вѣдь намъ жить нельзя, не околѣвать же!" [1]). Послѣ всѣхъ этихъ фактовъ намъ станутъ понятны слѣдующія слова передовицы того же № 8—9 В. Нар. В. „Русское крестьянство почти безъ перерыва находится, если можно такъ сказать, въ состояніи хронической революціи". „Не улеглось народное броженіе и теперь: напротивъ, освободительная фикція, не удовлетворившая мужика въ экономическомъ отношеніи, послужила замѣтнымъ толчкомъ къ политическому развитію массъ, и активное проявленіе недовольства въ формахъ, до безконечности разнообразныхъ, растетъ за послѣднія два десятилѣтія въ геометрической прогрессіи".

Но, быть можетъ, здѣсь сказывались революціонныя народническія иллюзіи? Годомъ раньше либеральный журналъ „Юридическій Вѣстникъ" въ № I за 1881 г. писалъ: „всюду смута и нестроенія великія", вотъ какъ можно охарактеризо-

---

[1]) Любопытны нѣкоторые изъ выводовъ автора: „у мужика нѣтъ принципіальнаго убѣжденія въ прелести монархическаго управленія, онъ пойдетъ за тѣмъ, кто дастъ ему землю, напр. за Земскимъ Соборомъ, Учредительнымъ Собраніемъ". Но далѣе онъ замѣчаетъ—„живя интересами своей округи, крестьянинъ пальцемъ не пошевельнетъ въ защиту всероссійскаго престола". 1906-907 гг. показали, что и въ защиту народнаго представительства, выдвинувшаго на первый планъ его нужды, крестьянинъ во всей своей массѣ также не поднялся.

вать переживаемую нами тяжелую эпоху, очевидно, чреватую важными будущими событіями. Коренную причину такого состоянія страны журналъ видитъ въ томъ, что: „масса обнищала въ конецъ, масса голодаетъ“ [1]) (стр. 101).

Журналъ отмѣчаетъ и глубокія измѣненія въ сознаніи народныхъ массъ: „Среди народа все сильнѣе и сильнѣе развивается исканіе чего-то новаго. Возникаютъ и создаются многочисленныя секты, которыя, хотя и носятъ религіозную окраску, но главная характеристическая черта которыхъ— иной строй взаимныхъ человѣческихъ отношеній. Такъ, сютаевцы, появившіеся въ Тверской губ., на собственность смотрятъ съ евангелической точки зрѣнія: у человѣка нѣтъ ничего своего, все Божіе, все создано Богомъ для всѣхъ вообще. Ученіе шелапутовъ, появившихся въ Рязани въ 1876 г., какъ оно выяснилось на судѣ, заключалось въ слѣдующемъ: общность имуществъ и образованіе общинъ, отрицаніе властей и священства; отрицаніе устойчиваго брака“ (ibid., стр. 133).

Вообще, съ середины 70-хъ годовъ сектантство, широко распространяясь по территоріи страны, принимаетъ все болѣе и болѣе раціоналистическій и соціальный характеръ. Измѣненіе хозяйственныхъ условій, все возрастающая власть денегъ, развитіе промышленности и связаннаго съ нимъ отхода на промысловые заработки, разрушая прежній строй жизни, будили мысль народныхъ массъ, причемъ вызываемый указанными условіями процессъ разслоенія давалъ опредѣленныя направленія общественному мышленію. На мѣсто сектъ чисто религіозныхъ, объединявшихъ всѣ соціальныя группы, появляются секты соціальныя, включающія въ себя уже совершенно опредѣленные, общественные элементы. Такъ, на-

---

[1]) 1880-ый годъ былъ неурожайнымъ, чѣмъ объясняется голодъ; но обнищаніе, очевидно, было продуктомъ долгаго процесса.

и болѣе значительная секта—штундистовъ, которая къ началу 80-хъ годовъ получила широкое распространеніе въ 12-ти южныхъ и западныхъ губерніяхъ и даже въ одной центральной [1]), первоначально носила почти исключительно религіозный характеръ, не касаясь политическихъ формъ жизни, ограничиваясь только практикой взаимопомощи. Входили въ нее одинаково и богатые, и средніе, и бѣдные члены крестьянскихъ обществъ. Но соціальное неравенство постепенно подготовило расколъ. Цитированный уже изслѣдователь сектантскаго движенія г. Бончъ-Бруевичъ говоритъ:

„Совершилось разъединеніе обезпеченныхъ братьевъ отъ бѣдныхъ, батраковъ, рабочихъ и крестьянъ, работающихъ только семейными силами. Бѣдные мечтали объ общинной жизни въ духѣ древне-христіанской общины, о времени, когда не будетъ твоего и моего, а все будетъ общее—и имѣнія всякія, и земля и постройки и даже все то, что Богъ возраститъ изъ посѣяннаго поля".

Эта группа, получившая названіе новоштундистовъ, въ лицѣ вдохновителя, крестьянина Балабана, перенесла центръ тяжести своего вниманія въ область общественныхъ и политическихъ отношеній.

Въ хранящейся у цитируемаго автора рукописи одного изъ официальныхъ изслѣдователей новоштундизма о развитіи соціальной мысли этой секты приводятся слѣдующія данныя:

„Сектанты отрицательно относятся къ властямъ. Власть имѣютъ тѣ, кто побогаче и сильнѣе другихъ. Никакого начальства, никакихъ наказаній, никакихъ остроговъ не нужно,

---

[1]) Область Войска Донского губерніи: Таврическая, Херсонская, Екатеринославская, Бессарабская, Подольская, Кіевская, Волынская, Полтавская, Черниговская, Могилевская, Орловская. См. Масловъ „Аграрный вопросъ", т. II, стр. 77.

на землѣ не должно быть никакой власти, кромѣ Божіей". „Съ наступленіемъ ожидаемаго сектантами новаго государственнаго и общественнаго строя, ихъ (сектантское) начальство всѣ земли отъ православныхъ помѣщиковъ поотбираетъ и всѣхъ понадѣлитъ землею; будетъ все общее, всѣ магазины съ мелкими и другими товарами будутъ открыты для всѣхъ: бери безплатно. Христосъ пострадалъ за весь родъ человѣческій, слѣдовательно, любовь его ко всѣмъ одинакова, поэтому и блага міра сего должны быть раздѣлены поровну между людьми. Люди должны жить отдѣльными братствами, трудъ долженъ быть общій, обмѣнъ продуктовъ производиться натурою. „Наша вѣра, говорятъ сектанты, будетъ вотъ какова: свобода, равенство и братство... Вообще, заключаетъ офиціальный авторъ, слѣдуетъ сказать утвердительно, что въ штундизмѣ замѣчается сильное стремленіе къ усвоенію западно-европейскихъ соціалистическихъ идей и порядковъ" („Жизнь", 1902 г. № 1).

Мы видимъ теперь, что деревня представляла изъ себя далеко не успокаивающее зрѣлище: и въ области сознанія, и въ сферѣ активныхъ дѣйствій все ярче и ярче проявлялся протестъ противъ положенія, въ которомъ находились народныя массы.

И этотъ фактъ оказалъ рѣзкое, опредѣляющее вліяніе на другія общественныя силы.

Крестьянскій вопросъ въ 1880—82 годахъ занялъ то же центральное мѣсто, которое онъ ранѣе занималъ въ 1858—61 г. г. и позднѣе въ 1902—1903 гг. и въ 1906—07 гг. Онъ служитъ не только главной темой печати, но на необходимости его разрѣшенія базировали печать и земскія собранія свои домогательства объ „увѣнчаніи зданія",—подъ такимъ терминомъ въ то время фигурировала конституція.

На Саратовскомъ губернскомъ земскомъ собраніи 1881 г. предсѣдатель его г. Федоровскій произнесъ большую поли-

тическую рѣчь, важнѣйшимъ моментомъ которой были слѣдующія слова:

„Крестьянскій вопросъ возстаетъ вновь и разрѣшить его въ настоящее время будетъ не менѣе трудно, чѣмъ 20 лѣтъ тому назадъ, потому что палліативныя мѣры ни къ чему не приведутъ. Вопросъ этотъ долженъ быть разсмотрѣнъ во всей совокупности и цѣлости при соглашеніи всѣхъ разнообразныхъ интересовъ.

„Разрѣшеніе этого вопроса бюрократіи, совершенно не знающей Россіи, мы, представители земства, довѣрить не можемъ, а потому требуемъ „передачи всѣхъ предположеній по разрѣшенію крестьянскаго вопроса на окончательное обсужденіе въ одной изъ столицъ представителямъ земствъ, избранныхъ отъ каждаго уѣзда“ [1].

Аргументировалось это требованіе возможностью повторенія „пугачевщины“.

Поняло опасность положенія и правительство. Несмотря на послѣдовательную за 1-мъ марта суровую реакцію оно все же пошло на уступки крестьянству: были сложены недоимки, понижены выкупные платежи, облегчены условія взиманія сборовъ, отмѣнены подушная подать и налогъ на соль, а затѣмъ учрежденъ крестьянскій банкъ, на который, помимо задачи предупреждать волненія изъ-за земли, возложена миссія—отслоить отъ массы крестьянъ зажиточныхъ, собственниковъ, этой лучшей опоры порядка. Несомнѣнно, вся совокупность этихъ мѣръ могла предупредить волненія въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ давала облегченіе отъ наиболѣе замѣтной тяготы.

Тамъ, гдѣ особенно давили недоимки и выкупные платежи, крестьяне облегченно вздохнули; тамъ, гдѣ во что бы

---

[1]) Литер. Парт. Н. В. Вып. II, стр. 38—39.

то ни стало нужно было пріобрѣсти землю, и гдѣ изъ-за нея уже происходили столкновенія, явилась возможность пріобрѣсти ее при посредствѣ банка и т. д. Но все это, конечно, имѣло значеніе только мѣстами и лишь временно, какъ палліатива,—доказательствомъ чего служатъ продолжавшіяся волненія.

Въ № 10 „Нар. Воли" (сентябрь 1884 г.), во внутреннемъ обозрѣніи находимъ такія строки: „Со всѣхъ сторонъ несутся горькія жалобы имущественныхъ классовъ на самовольныя порубки лѣсовъ, на насильственные захваты владѣльческихъ земель, на поджоги помѣщичьихъ усадебъ, сѣна, хлѣбовъ и строеній, на избіеніе и калѣченіе скота, на акты насилій по отношенію къ управляющимъ и пр., на сопротивленія судебнымъ приставамъ и чинамъ земской полиціи, доходящіе нерѣдко до кровавыхъ побоищъ" [1]).

Далѣе приводятся „на удачу" факты самаго послѣдняго времени: „Наиболѣе интенсивная мелкая борьба народа съ имущественными классами и представителями власти наблюдается въ Уфимско-Оренбургскомъ краѣ. Этотъ край положительно какъ бы на военномъ положеніи. Громадныя лѣсныя порубки, захватъ земель, поджоги, убійства, сопротивленія властямъ — все это здѣсь самыя заурядныя явленія. Въ совершеніи ихъ иной разъ принимаютъ участіе сотни людей. Интенсивность и распространенность подобнаго рода явленій заставили перетрусившее уфимское дворянство потребовать прошлымъ лѣтомъ отъ правительства „принятія чрезвычайныхъ мѣръ для защиты собственности и личности владѣльцевъ. Съ теченіемъ времени движеніе все усиливается".

Другимъ райономъ съ сильнымъ аграрнымъ движеніемъ является мѣстность, охватывающая Донскую Область, Ека-

---

[1]) Литер. Парт. Н. В., в. II, стр. 153.

териниславскую, Тамбовскую, Курскую губ., отчасти Рязанскую, а затѣмъ Черниговскую и Полтавскую губерніи. Здѣсь практикуются въ самыхъ широкихъ размѣрахъ поджоги помѣщичьяго хлѣба, сѣна и строеній. Тутъ имѣли мѣсто любопытные случаи стачекъ сельскихъ полевыхъ рабочихъ, съ цѣлью оставленія безъ уборки помѣщичьяго хлѣба или возвышенія заработной платы, причемъ крестьяне опирались на свою общинную организацію. Вообще, отношенія между здѣшними крестьянами и помѣщиками крайне обострены. Въ Екатеринославской губ. прошлой осенью крестьянское движеніе выразилось въ усиленныхъ поджогахъ, разрушеніи помѣщичьихъ домовъ и захватахъ земель.

Первыя весеннія свѣдѣнія изъ этого края указываютъ, что движеніе, направленное къ захвату земель, началось снова. Крестьяне Донецкаго округа въ послѣднее полугодіе энергично принялись за экспропріацію землевладѣльческой собственности. Они рубили лѣсъ, увозили къ себѣ помѣщичій хлѣбъ съ полей, нападали на принадлежащія помѣщикамъ и скупщикамъ земель хлѣбные амбары и грабили ихъ, нерѣдко въ виду самихъ хозяевъ. Дѣло не разъ доходило до вооруженнаго сопротивленія [1]).

Непрерывно въ теченіе 5—6 лѣтъ (съ 78—1879 г. по 1884—85 г.) усиливавшееся броженіе въ деревнѣ производило настолько сильное впечатлѣніе, что зародившееся соціалъ-демократическое теченіе, рѣзко порвавшее съ народническими иллюзорными надеждами на соціалистичность крестьянской массы, вмѣстѣ съ тѣмъ считало ее рѣшающей силой въ грядующей буржуазной революціи.

Такъ, въ „Нашихъ Разногласіяхъ“ Плехановъ писалъ: „Наша программа не жертвуетъ деревней въ интересахъ го-

---

[1]) Литер. Парт. Н. В., в. II, стр. 154—156.

рода, не игнорируетъ крестьянство ради промышленныхъ рабочихъ,—она ставитъ своей задачей организацію соціально-революціонныхъ силъ города для вовлеченія деревни въ русло всемірно историческаго движенія". При этомъ онъ выражалъ сочувствіе предполагаемому имъ стремленію крестьянъ „отобрать землю у помѣщиковъ и передѣлить ее между общинами", признавая необходимость „возстановленія крестьянскаго хозяйства" (См. „Наши Разногласія", изд. „Новаго міра", стр. 250 и 304).

Что касается „Народной Воли", то, описавъ проявленія движенія, журналъ, наученный горькимъ опытомъ[1]), спѣшитъ подчеркнуть, что онъ не думаетъ видѣть въ этихъ фактахъ смутнаго броженія народныхъ силъ залога скораго и успѣшнаго всенароднаго взрыва; но добавляетъ, что „слѣпъ будетъ тотъ, кто откажется усмотрѣть въ нихъ явное знаменье крайней шаткости нынѣшняго порядка вещей и не менѣе явное указаніе на тотъ путь, по которому пойдетъ народное движеніе, когда наступитъ, наконецъ, его моментъ" [2]).

И въ томъ и въ другомъ изъ этихъ утвержденій журналъ оказался правымъ; но врядъ ли онъ думалъ, что предстоитъ почти двадцатилѣтній интервалъ, причемъ первое десятилѣтіе (1886—95 г.) знаменуется почти полнымъ упадкомъ крестьянскаго движенія, а второе (1895—1904 г.) повтореніемъ разрозненныхъ, лишь постепенно нароставшихъ вспышекъ [3]).

---

[1]) Три года назадъ, тотъ же журналъ, подъ вліяніемъ болѣе широкихъ и болѣе упорныхъ крестьянскихъ волненій, говорилъ: „Близится время, когда народъ выйдетъ изъ состоянія глухого броженія, хроническихъ надеждъ, разрозненныхъ вспышекъ для совмѣстной, сознательной борьбы съ ясно намѣченнымъ врагомъ".

[2]) Тамъ же, стр. 156.

[3]) 1885 г. былъ годомъ перемѣннымъ. Внутренній обозрѣватель „Народной Воли" въ № 11—12 (октябрь 85 г.) привелъ перечень аграрныхъ волненій,—всѣ онѣ носятъ характеръ незначительныхъ столкновеній, часто изъ-за юридически спорной земли.

1885—1904 годы.

Состояніе движенія перваго изъ разсматриваемыхъ десятилѣтій, достаточно ярко характеризуется эс-эровскимъ публицистомъ: „Въ восьмидесятые и девяностые годы—мужикъ, какъ подъяремный волъ, вообще страдалъ молча, и когда надумывалъ протестовать, то протестъ выливался въ уродливую форму какихъ-нибудь „лежачихъ бунтовъ или избіенія санитарнаго персонала“ [1]).

Если народники такъ принуждены характеризовать деревню 85—95 годовъ, то мы не должны удивляться тому, что марксисты къ серединѣ 90-хъ годовъ окончательно махнули рукой на крестьянство и считали наивными традиціями 70-хъ годовъ взгляды Плеханова эпохи „Нашихъ разногласій“.

Одинъ офиціальный партійный документъ — докладъ русскихъ соціалъ-демократовъ международному соціалистическому конгрессу 1896 г.,—относилъ аграрный вопросъ къ періоду послѣ-революціонному, когда на очередь дня станетъ вопросъ о соціалистическомъ переворотѣ, и въ ходѣ наступающей буржуазной революціи видѣлъ свою задачу только въ борьбѣ съ реакціонными поползновеніями (разумѣя, очевидно, поползновенія не только народниковъ, но и самого крестьянства), имѣющими цѣлью задержать ростъ силы пролетаріата. Мало этого, въ то же время оказалось возможнымъ написать: „Только наивныя традиціи наивныхъ семидесятыхъ годовъ заставляли русскую соціалъ-демократію еще въ 80-хъ годахъ стоять передъ крестьянскимъ вопросомъ съ мучительнымъ сознаніемъ его кардинальной важности“. Но мужикъ мстилъ за себя, и тѣхъ, кто считалъ его не заслуживающимъ вниманія, онъ лишалъ вѣры „въ

[1]) „Сборникъ статей“ Антонова, Баха и др., в. I, 1908 г., стр. 260.

полную демократизацію политическихъ учрежденій [1])", и тѣмъ фактически подтверждалъ, что онъ—не ничто.

Чѣмъ же объясняется деградація движенія? На одинъ факторъ мы уже указывали: это правительственныя мѣропріятія. Но, конечно, одни они не парализовали бы движенія, если бы стихійная экономическая эволюція не подоспѣла на помощь.—Съ 1886-го года начался рядъ урожайныхъ лѣтъ, сопровождаемыхъ рѣзкимъ паденіемъ хлѣбныхъ цѣнъ, и быстрый ростъ промышленности. Съ этого же времени пріостановился ростъ аредныхъ цѣнъ, непрерывно продолжавшійся цѣлое двадцатипятилѣтіе съ момента реформы 61 г.

Движеніе урожаевъ и число рабочихъ можно видѣть изъ слѣдующихъ данныхъ.

Годы	Общій сборъ хлѣбовъ въ мил. четвертей.	Число рабочихъ въ предпріятіяхъ, не обложенныхъ акцизомъ (въ тысячахъ).
1885	247	616
1886	289	635
1887	330	657
1888	334	707

Цифры ясно говорятъ, что урожаи съ 1885 года пошли въ гору, и вмѣстѣ съ ними быстро развивалась промышленность, поглощающая все большее и большее число рабочихъ. Но одновременно наблюдался процессъ рѣзкаго пониженія хлѣбныхъ цѣнъ. По свѣдѣніямъ „Комиссіи о движеніи благосостоянія сельскаго населенія средне-земледѣльческихъ губерній" [2]), цѣны на рожь измѣнялись такимъ образомъ:

Годы	Цѣны на пудъ ржи.
1876—1880	74 коп.
1881—1885	86 „
1886—1890	58 „

[1]) Цитировано у Рязанова „Къ критикѣ программы Р. С. Д." стр. 242.

[2]) Туганъ-Барановскій „Русская фабрика", изд. I-ое, стр. 307.

[3]) См. Матеріалы этой комиссіи, т. 1, стр. 184.

Такъ какъ крестьянское хозяйство носило, главнымъ образомъ, натурально-продовольственный характеръ, то низкія цѣны благопріятствовали ему въ его борьбѣ съ хозяйствомъ крупнымъ: помѣщику при низкихъ цѣнахъ выгоднѣе отдать землю въ аренду крестьянину, чѣмъ обрабатывать при помощи наемныхъ рабочихъ.

Крестьянинъ же равнодушенъ къ цѣнѣ большей части урожая, потребляемаго имъ непосредственно. Вслѣдствіе роста предложенія земель въ аренду и, съ другой стороны, уменьшенія спроса на нее,—такъ какъ большая часть крестьянъ находила отхожіе заработки въ индустріи,—„процессъ вздорожанія арендъ, который съ начала 60-хъ годовъ до начала или половины (именно половины. В. Г.) 80-хъ годовъ былъ весьма постояннымъ, послѣдовательнымъ и распространеннымъ, съ этого момента пріостановился“ [1]). Кое-гдѣ замѣчалось даже паденіе арендныхъ цѣнъ; такъ, въ Орловской губерніи озимыя съемки съ 18 р. въ 1887 году пали почти до 14 р. въ 1888—89 г.г. Въ Казанской губ. цѣны найма земель подъ яровое стояли въ 1885—87 годахъ выше 7 р. 50 к., а 1888—92 г.—5. р. 73 коп.; подъ озимое постоянно падали: съ 11 р. 76 коп. въ 1885 году до 6 р. 76 к. въ 1891 г. Аналогичныя, хотя и менѣе рѣзко выраженныя явленія наблюдались въ Полтавской и Воронежской губ. Такимъ образомъ, губерніи самыхъ разнообразныхъ районовъ, характеризуются переживаніемъ одного и того же процесса что и дало Карышеву право обобщить получающіеся изъ наблюденій надъ этими губерніями выводы.

Впрочемъ, можно привести аргументы и иного характера, которые внутренней логикой убѣждаютъ въ правильности сдѣланныхъ обобщеній. Одинъ изъ лучшихъ показате-

[1]) См. изслѣдованіе проф. Карышева о крестьянскихъ внѣнадѣльныхъ арендахъ въ сборникѣ: „Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ“ т. I, стр. 279—283.

лей уровня благосостоянія земледѣльцевъ—количество рабочаго скота. Обращаясь къ соотвѣтствующимъ даннымъ, мы изъ книги проф. Каблукова [1]) узнаемъ, что сравненіе двухъ конскихъ переписей 1882 и 1888 г. обнаружило, что процессъ безлошадныхъ въ общемъ уменьшился,—и общее количество лошадей возросло на 5,5%. Въ связи съ этимъ улучшеніемъ положенія деревни въ 80-хъ и 90-хъ годахъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Московской губерніи замѣчался возвратъ уходящаго на заработки населенія къ землѣ [2])".

Крестьянство вновь, какъ въ періодъ 1861—78 годовъ, ухитрялось приспособляться къ жизни. Это обозначало зависимость положенія крестьянства отъ общаго хода экономической жизни страны. Правительство, а также и политическія партіи, убаюканныя воцарившимся спокойствіемъ въ деревнѣ, не поняли, что это затишье временнаго характера, что рано или поздно общій ходъ экономической жизни почувствуетъ свою обратную зависимость отъ положенія крестьянства. Экономическая политика правительства, преслѣдующая цѣль развитія крупной обрабатывающей промышленности, сопровождалась блестящимъ успѣхомъ, но... доведя крестьянское хозяйство до разоренія, до проѣданія средствъ производства, она завела страну въ тупой уголъ,—натолкнувшись на отсутствіе внутренняго рынка: пауперизующееся крестьянство могло представлять спросъ лишь въ теченіе сравнительно непродолжительнаго времени, пока не проѣло лошади, сохи и коровы. Точно такъ же предстоялъ крахъ той соціальной политики, которую правительство, пользуясь тѣмъ же затишьемъ, энергично проводило,—политики сохраненія всѣхъ остатковъ и даже возстановленія утраченныхъ было

---

[1]) Н. А. Каблуковъ, „Объ условіяхъ развитія крестьянскаго хозяйства въ Россіи" изд. 2-ое, стр. 262.

[2]) Каблуковъ, стр. 143.

элементовъ крѣпостного строя: принудительной общины, крестьянской обособленности и учрежденія „близкой къ народу власти“, въ которой крестьянство безъ большого труда увидѣло преемника прежняго владыки-барина. Но этими мѣрами, какъ оказалось, подготовлялись условія, вызвавшія все—или почти все—крестьянство на массовую борьбу, которая сначала направилась на „близкую власть“, а впослѣдствіи и на весь политическій порядокъ. Таковы оказались результаты этой близорукой политики.

Въ содѣйствіи разслоенію деревни, въ насажденіи буржуазныхъ отношеній, буржуазнаго гражданства и административнаго правопорядка заключалось единственное средство предупредить крестьянскую революцію. Представитель буржуазіи въ правительствѣ, г. Витте, усиленно настаивалъ на измѣненіи политики въ этомъ направленіи, для чего искалъ даже поддержки общественнаго мнѣнія, пользуясь всеподданѣйшими докладами, публикуемыми во всеобщее свѣдѣніе. Но у правительства была другая рука, и притомъ болѣе сильная—правая, дворянская, и она-то поддерживала соціальный status quo. И только 17 октября дало торжество Виттевскимъ планамъ, энергично осуществляемымъ нынѣ г. Столыпинымъ.

Но до поры до времени въ теченіе болѣе, чѣмъ цѣлаго десятилѣтія, царило спокойствіе, и когда въ началѣ второй половины 90-хъ годовъ появились признаки возбужденія городскихъ слоевъ—рабочихъ и интеллигенціи,—правительство, упоенное успѣхомъ подавленія начинавшейся революціи въ 78—81 г., отнеслось къ нимъ съ величавымъ пренебреженіемъ. Мѣткую характеристику этого времени находимъ въ издававшемся за границей „Современникѣ“, который въ апрѣлѣ 1897 г. писалъ: „Никогда еще въ теченіе послѣднихъ 40 лѣтъ наружные признаки крѣпости и процвѣтанія принципа самодержавія не были такъ явственны... Тонъ

его сообщеній, вызываемыхъ такими выходящими изъ ряда вонъ событіями, какъ ходынская катастрофа, петербургскія майскія стачки, или послѣдняя студенческая исторія [1]), дышетъ увѣренностью въ своей силѣ и торжествѣ".

Да и какъ было не чувствовать подъ собой твердой почвы, когда подавляющая масса населенія—крестьянство безропотно перенесло бѣдствія голода, охватившаго больше половины страны и унесшаго сотни тысячъ жителей. На правительство, да и на общественныя силы, этотъ фактъ произвелъ громадное впечатлѣніе: крестьянская борьба вышла окончательно изъ поля зрѣнія. Если мужикъ даже этотъ ужасъ пережилъ, то значитъ онъ перенесетъ в с е. Между тѣмъ скорое будущее показало, что для такого вывода не было никакихъ основаній. Голодъ прежде всего поражаетъ страхомъ непосредственной гибели и заставляетъ искать наиболѣе доступнаго источника для ея предотвращенія. Русская система продовольственной помощи такова, что крестьянинъ невольно обращаетъ свои взоры на правительство; глубже, чѣмъ когда-либо, масса чувствуетъ свою зависимость отъ благорасположенія начальства, и угроза скорой гибели—а вѣдь голодъ не позволяетъ ждать и недѣль—вызываетъ стремленіе заслужить добрымъ поведеніемъ казенный хлѣбный паекъ [2]).

Едва прошло 7 лѣтъ послѣ голоднаго 1901 года, какъ правительство вынуждено было уже принимать экстренныя мѣры по поводу возобновившихся крестьянскихъ волненій. Приведемъ въ подлинникѣ циркуляръ Мин. Вн. Дѣлъ отъ 17-го іюня 1898 г. за № 4894, въ которомъ

---

[1]) Напомнимъ, что авторъ разумѣетъ гибель людей во время коронаціи весной 1896 года, бывшую лѣтнюю стачку петербургскихъ ткачей и, наконецъ, ноябрьскую московскую студенческую демонстрацію—панихиду по жертвамъ Ходынской катастрофы.

[2]) То же явленіе повторилось и въ зиму 1906—1907 года.

описываются какъ самыя волненія, такъ и мѣры для борьбы съ ними. „Изъ поступающихъ въ М. В. Д. свѣдѣній усматривается, что въ нѣкоторыхъ, преимущественно южныхъ и юго-восточныхъ, губерніяхъ за послѣднее время возникаетъ рядъ крестьянскихъ безпорядковъ, проявляющихся въ видѣ систематическихъ потравъ помѣщичьихъ полей и луговъ, съ выгономъ скота подъ карауломъ лицъ вооруженныхъ палками, кольями и вилами, нападеній на помѣщичьихъ объѣздчиковъ и сторожей или значительныхъ порубокъ въ помѣщичьихъ лѣсахъ, при дракахъ съ полѣсовщиками. При захватѣ объѣздчиками крестьянскаго скота, крестьяне, съ цѣлью его освобожденія, нерѣдко цѣлыми деревнями совершаютъ вооруженныя нападенія на экономіи и усадьбы землевладѣльцевъ и производятъ разгромъ хозяйственныхъ и даже жилыхъ построекъ, нанося побои и увѣчья служащимъ и караульщикамъ. Подобныя безчинства сопровождались въ нѣкоторыхъ случаяхъ вооруженнымъ сопротивленіемъ прибывающимъ для усмиренія безпорядковъ властямъ и нанесеніемъ побоевъ и ранъ чинамъ полиціи, а въ Воронежской губ., въ маѣ сего года, ночью былъ произведенъ выстрѣлъ неизвѣстнымъ злоумышленникомъ въ ѣхавшихъ по деревнѣ арендатора и становового пристава, принимавшаго участіе въ прекращеніи безпорядковъ, возникшихъ на почвѣ экономическихъ недоразумѣній крестьянъ съ арендаторомъ, причемъ становой приставъ былъ убитъ. Независимо отъ сего былъ случай жестокого избіенія толпой, на базарѣ, одного землевладѣльца, изъ-за денежныхъ расчетовъ по полевымъ работамъ, съ угрозами и впредь расправляться подобнымъ же образомъ съ нанимателями. Въ вышеприведенныхъ случаяхъ буйствамъ и своеволію крестьянъ мѣстныя власти были безсильны оказать какое-либо противодѣйствіе и, изъ боязни также по отношенію къ нимъ со стороны крестьянъ насилій, большею частью бездѣйствовали“.

Далѣе циркуляръ говоритъ: „Признавая настоятельно необходимымъ положить предѣлъ своеволію крестьянскаго населенія, по отношенію къ землевладѣльцамъ и къ ихъ имуществамъ, имѣю честь просить принимать самыя рѣшительныя мѣры для ихъ предупрежденія и подавленія". Изложимъ вкратцѣ и самыя эти мѣры: 1) Усилить наблюденія за ярмарками и базарами и вообще въ мѣстахъ скопленія рабочаго люда; 2) внимательно слѣдить за взаимными отношеніями у крестьянъ съ землевладѣльцами и арендаторами, стараясь предупредить возникновеніе конфликтовъ; 3) установить особое наблюденіе за сельскими адвокатами и другими пришлыми людьми, особенно высланными изъ другихъ мѣстъ; 4) арестовывать въ порядкѣ охраны тѣхъ, которые могутъ дѣйствовать вредно на сообщественниковъ, и представлять ихъ къ высылкѣ; 5) на мѣста волненія высылать вице-губернатора или ѣхать самому губернатору и вызывать воинскую команду для прекращенія въ самомъ зачаткѣ волненія, могущаго выразиться въ буйствѣ и насиліи.

Несмотря на то, что эти мѣры фактически всю сельскую Россію отдавали подъ режимъ чрезвычайной охраны, несмотря на то, что всѣ онѣ были разсчитаны на то, чтобы предупредить или прекратить волненія въ самомъ зачаткѣ ихъ,—возобновившееся крестьянское движеніе все развивалось и развивалось. Темпъ развитія промышленности замедлился,—въ 1901 г. разразился уже кризисъ, арендныя цѣны, послѣ временной пріостановки, быстро шли въ гору, крестьянинъ уже успѣлъ лишиться значительной доли лошадей и другихъ средствъ производства.

Въ № 7 „Рабочаго дѣла" за 1900 г. находимъ корреспонденцію изъ Полтавы, въ которой, между прочимъ, говорится: „не одною борьбою между пролетаріями и собственниками становится интересна наша деревня: въ ней уже возникла (слѣдовало бы сказать: возобновилась. В. Г.) другая борьба—

борьба огромнаго класса земельныхъ собственниковъ крестьянъ съ давящими ихъ крупными и средними сельско-хозяйственными капиталистами" (очевидно, авторъ разумѣетъ помѣщиковъ и арендаторовъ. В. Г.). Осенью 1901 г. С. Нечетный могъ уже составить довольно обширный очеркъ крестьянской борьбы [1]) въ опредѣленномъ раіонѣ нѣсколькихъ уѣздовъ, борьбы, наблюдавшейся въ срединѣ и, главнымъ образомъ, концѣ 90-хъ годовъ.

„Общій характеръ мѣстности чисто земледѣльческій; уровень экономической состоятельности крестьянства довольно разнообразенъ: отъ сравнительно достаточнаго у государственныхъ до нищенскаго въ селеніяхъ дворцовыхъ или приписанныхъ къ фабрикамъ. Господскія поля обрабатываются крестьянами. Въ представленіи крестьянъ, до сихъ поръ, на землю имѣетъ право тотъ, кто обрабатываетъ ее своими руками. Крестьяне непрерывно борются „своими средствіями": потравой, порчей орудій, краснымъ пѣтухомъ за улучшеніе арендныхъ условій и за повышеніе заработной платы; причемъ не допускаютъ ни чужихъ арендаторовъ, ни пришлыхъ рабочихъ".

„Въ нашей мѣстности бывали попытки устройства сельскохозяйственныхъ стачекъ, особенно въ урожайные годы, и вообще сельско-хозяйственный пролетаріатъ начинаетъ шевелиться".

„Бываютъ случаи, когда аграрныя отношенія обостряются до такой степени, что крестьяне, потерявъ терпѣніе, разносятъ помѣщичьи усадьбы; напримѣръ, 7-го мая 1898 г. крестьяне „Золотой балки" Херсонской губ. толпой въ 200 человѣкъ, вооруженныхъ кольями, явились выручать загнан-

---

[1]) Мы говоримъ объ очеркѣ „У земли", помѣченномъ ноябремъ 1901 г. и напечатанномъ въ февралѣ 1902 г., т.-е. до полтавско-харьковскаго движенія въ „Вѣстникѣ Русской революціи" № 2. Изъ этого же очерка заимствована нами цитата изъ „Рабочаго дѣла".

ный скотъ. Съ криками: „докы же намъ тірпіть—разорымо усе!“—толпа произвела полный разгромъ помѣщичьяго дома и службъ.

Общій выводъ автора таковъ: мы можемъ констатировать въ нашей мѣстности фактъ постоянной борьбы крестьянства съ частными землевладѣльцами.

То же можно сказать и о другихъ мѣстахъ.

„Листокъ Свободнаго Слова“, приводя сообщенія объ аграрныхъ столкновеніяхъ въ Воронежской губ., замѣчаетъ, что подобные случаи не представляютъ изъ себя ничего выдающагося или исключительнаго, являясь образцомъ того, что происходитъ во всей Россіи, но предохраняется отъ огла-шенія въ печати“. Подтверждая, что въ газеты попадаютъ свѣдѣнія о волненіяхъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло доходитъ до суда, г. Нечетный говоритъ, что и по газетнымъ свѣдѣніямъ можно видѣть, что аграрныя волненія имѣли мѣсто во всей Россіи: на юго-западѣ, въ губерніяхъ Бесса-рабской, Кіевской, Подольской; въ южныхъ: Таврической и Херсонской губерніяхъ и Области Войска Донского; въ цен-трально-земледѣльческихъ и восточныхъ: Полтавской, Орлов-ской, Тамбовской, Саратовской, Самарской; на сѣверо-западѣ: въ губерніяхъ Псковской и Минской; на сѣверо-востокѣ: въ Пермской губерніи; наконецъ, въ промышленномъ районѣ: Московской и Костромской губерніяхъ. Въ томъ же очеркѣ отмѣчено, что, кромѣ борьбы экономической, крестьянинъ вынуждается вести борьбу въ защиту своей человѣческой личности, въ защиту своихъ правъ, какъ человѣка и члена общества, и авторъ подчеркиваетъ, что иногда въ этой борьбѣ крестьяне дѣйствуютъ съ удивительной солидар-ностью и организованностью. Въ доказательство онъ приво-дитъ нѣсколько случаевъ выбора крестьянскими обществами уполномоченныхъ и стойкой защиты выборныхъ при по-пыткѣ администраціи арестовать ихъ и выслать. Въ с. Днѣп-

ровкѣ Таврической губ. понадобилось выслать 2 батальона пѣхоты, чтобы арестовать уполномоченныхъ. Когда ихъ выслали, общество постановило выдавать имъ харчевые изъ общественныхъ суммъ. Приводитъ также авторъ, для характеристики отношеній къ власти, случаи избіенія земскаго начальника въ Тагилѣ Пермской губ., и убійства таковаго же въ Херсонской губ.

Что касается состоянія умовъ въ деревнѣ, то авторъ, обращая вниманіе на общій учетъ культурности, указываетъ, что надежда на милость свыше начинаетъ падать, что сектантство принимаетъ революціонный оттѣнокъ; подмѣчаетъ, что въ массѣ вырабатываются фигуры сознательныхъ борцовъ, которые, помимо партійныхъ организацій и вліяній, ведутъ агитацію или даже активную борьбу. Интересно наблюденіе г. Нечетнаго о томъ, что крестьянству не чужда мысль-надежда на скорый коренной переворотъ въ политическомъ и соціальномъ отношеніи, причемъ нѣкоторые назначаютъ даже срокъ въ 3—7 лѣтъ.

Вырабатываются даже теоріи непрерывныхъ бунтовъ, которые-де, въ концѣ концовъ, должны утомить помѣщиковъ и власти и заставить ихъ сдаться [1]).

„Люди,—заключаетъ авторъ свой обзоръ,—близко присматривающіеся къ современному крестьянству, увѣряютъ, что стихійный взрывъ крестьянскаго движенія представляется отнюдь не невозможнымъ“.

Эти люди не ошиблись.

1902—1904 гг. попадутъ въ историческую діаграмму,

---

[1]) Авторъ подчеркиваетъ самопроизвольность зарожденія этихъ „теорій“; а между тѣмъ, онѣ болѣе чѣмъ сходны съ теоріей бунтарей 70-хъ годовъ и какъ бы предвосхищаютъ теорію 1906 г., изложенную Н. Ленинымъ въ брош. „Роспускъ Думы и задачи пролетаріата“. Немного, какъ мы видимъ, нужно теоретическаго образованія, чтобы создавать подобныя „теоріи“.

окрашенными уже въ мужицкіе цвѣта: смѣнившись, менѣе чѣмъ на годъ, цвѣтами пролетаріата и интеллигенціи, они затѣмъ вновь покрываютъ тѣмъ же цвѣтомъ карту русской исторіи на рядъ лѣтъ.

Уже въ августѣ 1901 г. изъ типичной губерніи черноземнаго центра—Воронежской писали: „У насъ въ воздухѣ виситъ что-то зловѣщее: каждый день на горизонтѣ зарево пожаровъ, по землѣ стелется кровавый туманъ—дышится и живется трудно, точно передъ грозой. Мужикъ угрюмо молчитъ, а если и заговариваетъ иногда, то такъ, что морозъ по кожѣ пробираетъ“ [1]).

Минуя отдѣльныя вспышки аграрныхъ волненій въ этомъ же году въ другихъ губерніяхъ, перейдемъ къ 1902 г.

Въ январѣ 1902 г. правительство, чувствуя, что въ деревнѣ неладно, сознаетъ, что однѣми репрессіями ограничиться нельзя, и образуетъ „особое совѣщаніе о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности“; а весной, одновременно и независимо одно отъ другого, въ двухъ противоположныхъ концахъ черноземной Россіи, на западѣ въ Малороссіи и на востокѣ въ Саратовской губ., возникаютъ серьезныя массовыя движенія, охватывая въ Малороссіи въ теченіе нѣсколькихъ дней нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ. Въ рядѣ остальныхъ губ., какъ сѣверныхъ: Тверской, Вятской, такъ и южныхъ: Херсонской, Донской, Кіевской, Подольской; какъ западныхъ: Псковской, Ковенской, такъ и восточныхъ: Уфимской,—очень неспокойно. Наконецъ, въ Кавказской Гуріи начинается крупная, удивительная по организованности и выдержанности, трехлѣтняя борьба.

Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ описывать движеніе; мы должны лишь, пользуясь описаніями, сдѣлан-

---

[1]) Цитировано у П. П. Маслова. „Агр. Вопр.“, т. II, стр. 106.

ными другими, вскрыть его причины, уяснить себѣ цѣли борющихся, классифицировать формы борьбы и по возможности учесть размѣръ и вліяніе движенія [1]).

Начинаемъ съ Полтавской губерніи.

Статистическіе источники и корреспондентскія сообщенія даютъ такую картину взаимоотношеній крестьянскаго и частновладѣльческаго хозяйства и ихъ измѣненій въ годы, предшествующіе движенію.

Корреспондентъ „Освобожденія" (№ 2), хорошо знакомый съ дѣломъ, пишетъ, что въ районѣ движенія земельная тѣснота исключительная: надѣлъ по $1^1/_2$ дес. на душу. При огромной черезполосицѣ—полная зависимость отъ помѣщиковъ; промыслы развиты слабо. На мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ работахъ цѣна падаетъ до 15—20 к. въ день. Чѣмъ дальше, тѣмъ положеніе крестьянъ хуже. Населеніе растетъ, а требованія на рабочія руки съ развитіемъ машиннаго хозяйства [2])—уменьшаются, въ то же время увеличивается площадь собственной помѣщичьей запашки [3]). Въ частности, въ Карловской экономіи, съ которой начались волненія, хоть надѣлъ и выше обычнаго (4 дес.), но и здѣсь зависимость отъ экономій полная.

---

[1]) Мы будемъ пользоваться корреспонденціями „Искры", „Освобожденія", „Жизни" и сводкой сообщеній „Револ. Россіи", сдѣланной П. П. Масловымъ въ его II т. „Агр. вопр.", а также обзорами сельскаго хозяйства въ Полтавской губ. за соотвѣтствующіе годы, составленными Стат. Бюро Полт. Губ. Земства. Вездѣ, гдѣ не будетъ указанъ источникъ, слѣдуетъ понимать, что цитата взята изъ книги П. Маслова.

[2]) Обзоръ сельскаго хозяйства добавляетъ, что въ послѣдніе годы главный промыселъ—отходъ въ южныя губерніи на сел.-хоз. работы, вслѣдствіе той же причины—развитія машинной уборки—рѣзко сократился, заставивъ полтавскихъ крестьянъ оставаться дома и усиленно искать землю въ аренду.

[3]) Статистическій обзоръ, подтверждая эти данныя, усиливаетъ ихъ указаніемъ, что, чѣмъ дальше, тѣмъ все болѣе сдается въ аренду только плохая, выпаханная земля.

Образцовая въ техническомъ смыслѣ экономія сдаетъ въ аренду немного земли, но связываетъ аренду съ отработками, чтобы обезпечить себя рабочими руками.—Таковы русскія образцовыя экономіи, а Карловка, дѣйствительно, образцовое имѣніе!

Кромѣ того, часть земли сдается крупнымъ арендаторамъ, передающимъ ее крестьянамъ по мелочамъ за двойную плату. Крестьяне не разъ просили измѣнить этотъ порядокъ, предлагая хорошую цѣну, но тщетно: гдѣ же управляющему возиться съ массой голодныхъ и грубыхъ мужиковъ!

Относительно измѣненія въ условіяхъ аренды за послѣднее семилѣтіе изъ Статистическаго обзора мы узнаемъ, что съ 1896 г. денежная плата за съемку земли возросла къ 1902 г. почти въ два раза, вознагражденіе владѣльца земли при скопщинной (испольной) съемкѣ половинною долею урожая все болѣе и болѣе вытѣсняло другія, болѣе низкія нормы вознагражденія, причемъ послѣдніе годы случаи денежныхъ доплатъ, повидимому, сдѣлались болѣе частыми, чѣмъ было ранѣе [1]).

Года.	Денежная аренда. Подъ озимое.	Денежная аренда. Подъ яровое.	Испольная. % показываютъ, что владѣльцу отдавалась часть урожая: 1/2	2/5	1/3	
1896	6.85	6.26	73	5	22	1896 г.
1897	7.89	7.73	74	4	22	1897 г.
1898	9.29	8.99	84	3	13	1898 г.
1899	10.75	9.61	86	3	11	1899 г.
1900	11.86	10.71	86	4	10	1900 г.
1901	13.22	12.27	91	1	8	1901 г.
1902	14.46	13.58				

Введеніе машинъ „особенно усилившееся за послѣдніе 4—5 л.“ [2]), увеличеніе собственной помѣщичьей запашки

[1]) Обзоръ за 1902 г., стр. 214.

[2]) Тамъ же, 220.

не исчерпывали собою причины уменьшенія аренднаго фонда и особенно арендныхъ цѣнъ. Помѣщики, не умѣвшіе перейти къ крупному хозяйству, все болѣе и болѣе продавали свои земли богатымъ крестьянамъ и казакамъ, которые „носятъ шапки изъ онучъ,—эти уже совсѣмъ не сдаютъ земли, а обрабатываютъ сами“ (стр. 221). Увеличился рѣзко и спросъ на землю со стороны крестьянъ, ранѣе не обрабатывавшихъ землю;—имѣется такое сообщеніе: „По случаю всеобщаго неурожая, въ особенности на югѣ, гдѣ большая часть рабочихъ зарабатывала для себя годовую пропорцію и не занималась хлѣбопашествомъ, послѣдніе два года заработковъ на югѣ почти не было, а потому-то вся рабочая сила накинулась на хлѣбопашество“ (стр. 224).

Помимо этихъ общихъ причинъ, существовали и причины временныя,—плохой урожай предшествующаго года и отсутствіе продовольственной помощи: въ 1900 г. старая земская организація перестала существовать, а новая, бюрократическая, еще не наладилась. Недостатокъ хлѣба для продовольствія и былъ непосредственнымъ поводомъ для движенія: крестьяне пошли за хлѣбомъ; но было бы большой ошибкой истолковать ихъ движеніе только, какъ продуктъ голода. Ниже излагаемые факты показываютъ, что крестьяне стремились покончить со всѣмъ прежнимъ строемъ отношеній.

Хожденію по экономіямъ предшествовало общее возбужденіе, броженіе умовъ.

„Еще въ февралѣ среди крестьянъ Константиноградскаго уѣзда пошли толки, что скоро настанетъ время, когда не будетъ ни пановъ, ни мужиковъ; появились книжки и прокламаціи. Пропаганда шла навстрѣчу умственнымъ потребностямъ крестьянъ и, несомнѣнно, выражала ихъ правосознаніе, выражала то, что назрѣло въ душѣ крестьянской: страстное желаніе добраться до земли и сознаніе своего пра-

ва на нее. Перваго марта была ярмарка въ с. Максимовкѣ; народъ собрался толпами и толковалъ: „отцы и дѣды обрабатывали барскую землю, значитъ—все добро наше". Исправникъ счелъ себя вынужденнымъ обратиться къ толпѣ съ рѣчью, въ которой пытался убѣдить ее, что самъ Богъ создалъ пана и мужика („Освобожд." № 10, корреспонденція „Канцелярскія Крысы"), но, очевидно, проповѣдь эта успѣха не имѣла: изъ № 20 „Искры" узнаемъ, что въ среднихъ числахъ марта появились слухи объ обыскахъ у крестьянъ, о распространеніи прокламацій. Послѣ 25-го марта получились вполнѣ достовѣрныя свѣдѣнія о броженіи среди крестьянъ и казаковъ. Управляющій Карловской экономіей и городской голова Трегубовъ затребовали присылки войскъ. Въ первой экономіи забрали часть картофеля, изъ экономіи второго—весь хлѣбъ. Населеніе, увѣренное въ томъ, что теперь *все можно*, отобрало въ цѣломъ рядѣ имѣній весь хлѣбъ, запасы сѣна и соломы. Крестьяне дѣйствуютъ спокойно, съ *полнымъ* сознаніемъ своей *правоты*. Часто со *старостами и сотскими во главѣ* подъѣзжаютъ они къ усадьбамъ и требуютъ ключей отъ амбаровъ и складовъ. Обыкновенно, владѣлецъ предупреждается за день, что у него назначенъ разборъ хлѣба. Если владѣлецъ не даетъ ключей, то замки срываются, повозки нагружаются хлѣбомъ, и всѣ разъѣзжаются по домамъ. Крестьяне объясняютъ, что „царству пановъ пришелъ конецъ" и, что „*велѣно* забирать по 5 пудовъ на душу". Одинъ помѣщикъ отвѣсилъ эту пропорцію 80 крестьянамъ, явившимся къ нему, и у него больше ничего не тронули. Хлѣбъ забирается и у односельчанъ богачей, особенно у тѣхъ, кого народъ не долюбливаетъ. Никакихъ избіеній и насилій крестьяне не производятъ. Ростъ движенія быстро увеличивается. Роль возбудителя сыграли прокламаціи и брошюры. Среди народа эта литература породила самые разнообразные толки, пред-

положенія и догадки, въ общемъ сводившіеся къ тому, что теперь „ихъ, мужиковъ, власть“. Упоминаютъ о манифестѣ и о надѣленіи крестьянъ по 6 десятинъ и т. д. Между тѣмъ, движеніе съ каждымъ днемъ принимало все болѣе и болѣе стихійный характеръ. „Никто не ожидалъ ничего подобнаго“, — заканчиваетъ корреспондентъ [1]).

Когда, при попыткѣ толпы крестьянъ изъ нѣсколькихъ деревень разобрать муку на мельницѣ Трепке, явились власти и отрядъ солдатъ, то изъ толпы раздались крики: „У насъ нѣтъ ни ступни земли, пусть намъ дадутъ ѣсть, а то возьмемъ все сами. Дайте же намъ по 5 пудовъ хлѣба и по столько же (по 5 дес.) земли“. „Рѣжьте насъ, все равно приходится умирать безъ земли!“

На угрозы начальника отряда, что онъ прикажетъ стрѣлять, толпа отвѣчала: „Брешешь! Стрѣлять не смѣешь, царь не велѣлъ!“ Понадобилось три залпа, послѣ которыхъ легли двое убитыхъ и нѣсколько раненыхъ, чтобы толпа разбѣжалась.

Но характерно: на слѣдующій день она вновь собралась и потребовала, чтобы ушло войско, говоря, что „офицеры строго отвѣтятъ за происшедшее наканунѣ передъ Государемъ Императоромъ“. Описанное движеніе вовлекло въ себя, по подсчету П. Маслова, много десятковъ тысячъ и охватило значительную часть двухъ уѣздовъ Полтавской г.: Константиноградскаго и Полтавскаго, и двухъ уѣздовъ—Валковскаго и Богодуховскаго—губерніи Харьковской. Въ первой было разобрано 54 помѣстья, во второй 25 экономій и 2 усадьбы сожжены [2]).

---

[1]) Какъ видѣли мы, были люди, для которыхъ массовое движеніе совсѣмъ не было неожиданностью.

[2]) П. Масловъ: тамъ же, стр. 109—110.

Подавлено движеніе было частью пулями, а, главнымъ образомъ, массовыми тѣлесными истязаніями, грандіозными арестами.

Къ суду было привлечено 1.098 человѣкъ.

Но наказали не только дубьемъ, но и рублемъ. На волновавшіяся сельскія общества, по средневѣковому принципу отвѣтственности всѣхъ за нѣсколькихъ, была наложена восьмисоттысячная контрибуція.

Ужасы усмиренія сдѣлали свое дѣло: „Среди крестьянъ теперь полный упадокъ настроенія, цѣлуютъ руки начальству, упорно стоятъ на колѣняхъ, твердятъ, что дѣдамъ и внукамъ закажутъ бунтовать". „Но,—спѣшитъ прибавить корреспондентъ „Освобожденія", откуда мы заимствуемъ эти свѣдѣнія,—въ другихъ мѣстахъ таятся, повидимому, какія-то надежды, отдѣльныя лица проявляютъ озлобленіе и угрожаютъ повтореніемъ безпорядковъ". Скорое будущее показало, что озлобленіе и готовность къ повторенію безпорядковъ остались не только въ отдѣльныхъ лицахъ.

Вглядываясь въ содержаніе движенія, мы встрѣчаемся съ знакомыми уже чертами: цѣлью, помимо удовлетворенія непосредственной нужды въ продуктахъ, необходимыхъ для существованія, служило стремленіе или выжить помѣщиковъ [1]), или добиться уступки хотя бы части земли. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ крестьяне довольствовались достиженіемъ первой цѣли: въ Карловкѣ волненія прекратились послѣ того, какъ экономія раздала по 5 п. картофеля каждому „бунтовщику". Дѣйствуютъ крестьяне не только скопомъ, открыто, но и пользуются своей мірской организаціей, идутъ во главѣ съ сотскими и старостами. Форма движенія—разборка или разгромъ. Отзвукъ прошла-

---

[1]) „Стремленіе завладѣть землей частныхъ собственниковъ проглядываетъ во всѣхъ случаяхъ нападенія на экономіи" (П. Масловъ).

то слышенъ и въ томъ, что теперь „дозволено“, „новые законы вышли“, „царь не велѣлъ стрѣлять“, что выйдетъ или уже вышелъ „указъ о передѣлѣ всей земли или надѣленіи каждой души по 6 дес.“.

Но сравненіе съ предшествующимъ движеніемъ даетъ намъ указаніе и на новыя черты. Во-первыхъ, мы наблюдаемъ несомнѣнное вліяніе „книжекъ“; во-вторыхъ, бросается въ глаза полное отсутствіе насилій толпы надъ личностью, и, въ-третьихъ, впервые движеніе направилось не только противъ помѣщиковъ, но и противъ богатыхъ крестьянъ и казаковъ. Въ этихъ новыхъ чертахъ сказалось вліяніе новыхъ хозяйственныхъ и культурныхъ условій.

Обратимся теперь къ другому концу черноземной Россіи, къ губерніи Саратовской, гдѣ встрѣтимся съ значительно инымъ типомъ движенія. Тамъ уже долгіе годы кипитъ то съ меньшей, то съ большей силой борьба мужика съ бариномъ. Эта борьба—по выраженію корреспондента „Освобожденія“—представляетъ изъ себя хроническое состояніе Саратовской деревни. Но съ весны 1902 г. наступило такое рѣзкое ея обостреніе, что пришлось заговорить о немъ. Прежде всего поражало наблюдателей глубокое идейное броженіе.

„Съ ранней весны между крестьянами шли толки о томъ, что земля отойдетъ отъ помѣщиковъ къ нимъ. Нелегальная литература появилась въ изобиліи, читали ее иногда, не скрываясь, толпами, собираясь въ ригахъ и сараяхъ, а также и на открытомъ воздухѣ, за церковной оградой. Очень горячо обсуждались полтавскія волненія, причемъ отъ частностей крестьяне переходили къ обсужденію общаго политическаго строя.

Борьба съ помѣщиками достигла широкаго распространенія и крайней рѣзкости, не останавливаясь даже, хотя и въ рѣдкихъ случаяхъ, передъ насиліемъ надъ личностью. „То и дѣло приходится слышать, что тамъ-то крестьяне поджига-

ютъ амбары, стоги сѣна, даже хлѣбъ на корню, въ другомъ мѣстѣ зашибли камнями проѣзжавшаго въ коляскѣ сосѣдняго помѣщика, тамъ выѣзжаютъ толпой въ поле и топчутъ хлѣба; въ другихъ мѣстахъ, открыто, днемъ выгоняютъ скотину на выгонъ купца и отбиваются дубьемъ отъ объѣздчиковъ, тамъ-то избили приказчиковъ" („Освобожденіе" № 7). Но кромѣ этихъ разрушительныхъ и захватныхъ формъ наблюдаются бойкотъ помѣщиковъ и стачки: „Въ с. Туркахъ Балашовскаго уѣзда, крестьяне забастовали, не идутъ сами на работу къ помѣщику и бьютъ соглашающихся работать („Листки Жизни" № 7). Недавно разбирался процессъ крестьянъ Петровскаго у., обвинявшихся въ составленіи шайки для поджога усадебъ и сельско-хозяйственныхъ строеній у помѣщика Ермолаева съ цѣлью понужденія его удалиться изъ принадлежащаго ему имѣнія и отдать его крестьянамъ („Освобожденіе" № 4). Крестьяне деревни Чернышевки того же уѣзда систематически жгли помѣщика, что побуждало его сдать землю арендатору; крестьяне продолжали жечь и арендатора. Тогда имѣніе было продано богатому мужику, но... продолжали жечь и послѣдняго, и, наконецъ, онъ былъ раненъ выстрѣломъ изъ ружья".

Ведя явно революціонную борьбу, крестьяне воспользовались для этого заботливо сохраненными и тщательно оберегаемыми реакціоннымъ правительствомъ сословно-административными учрежденіями.

Несмотря на полное подчиненіе крестьянскаго самоуправленія „земскому" и становому, оно оказалось могучимъ оружіемъ въ рукахъ крестьянъ: орудіе угнетенія они обратили въ орудіе борьбы. Составлялись формальные приговоры о томъ, „чтобы помѣщики сдавали землю по назначенной самими крестьянами цѣнѣ или обязательно продавали ее крестьянамъ, а сами убирались", или даже о томъ, чтобы „запахивать помѣщичью землю и косить въ свою

пользу ихъ луга“. И эти приговоры во многихъ мѣстахъ приводились въ исполненіе!

Наконецъ, необходимо указать и еще на одинъ моментъ,— это на отношеніе къ усмиряющей власти. Нечего и говорить, что волненія подавлялись военной силой. „Губернаторъ то и дѣло выѣзжаетъ съ казаками въ разныя мѣста губерніи. Высылаются на постой по деревнямъ войска, и производится сѣченіе розгами. Губернія наводнена шпіонами и жандармами,—производятся многочисленные аресты. Результаты усмиренія, впрочемъ, далеко не блестящи“. Несмотря на то, что послѣ сѣченія крестьяне выражаютъ какъ бы раскаяніе: становятся на колѣни,—„тѣмъ не менѣе броженіе не утихаетъ и продолжаетъ рости“. Мало того. Военныя команды встрѣчали иногда прямой отпоръ. „Едва закончилась экзекуція въ с. Ключахъ, какъ въ с. Макаровкѣ произошла настоящая битва съ казаками“ („Освоб.“ № 7) [1]).

Такимъ образомъ, въ Саратовской губ. мы наблюдаемъ гораздо болѣе сложную и напряженную борьбу, чѣмъ въ Малороссіи, и не слышимъ, чтобы крестьяне опирались на „дозволеніе“ свыше. Цѣли крестьянъ вполнѣ опредѣлены— это или ограниченіе помѣщичьей эксплоатаціи самими крестьянами установленными нормами, или же, чаще, прямое уничтоженіе помѣщичьяго хозяйства. Средства борьбы: тайные поджоги, рѣже открытые захваты, и еще рѣже бойкотъ и стачки. Недоставало только открытыхъ разгромовъ, но они не долго заставили себя ждать.

Причины волненій уясняются, между прочимъ, изъ того

---

[1]) По обвинительному акту дѣло представляется въ такомъ видѣ. Во время ярмарки въ с. Макаровкѣ крестьяне напали на патруль. На помощь послѣднему прискакала цѣлая сотня казаковъ, но толпа не разбѣжалась, а пользуясь находящимися на площади телѣгами и вооружившись вилами, камнями и пр., вступила въ борьбу съ казаками. Въ результатѣ ранены приставъ и 9 казаковъ—(вилами въ бокъ) („Освоб“. № 15).

факта, что безпорядки происходили въ уѣздахъ: Аткарскомъ, Сердобскомъ, Петровскомъ и Балашовскомъ, преимущественно тамъ, гдѣ крестьяне страдали отъ малоземелья, находясь на дарственныхъ надѣлахъ [1]).

Посмотримъ теперь, что дѣлалось въ другихъ мѣстахъ.

Въ сосѣдней Тамбовской губерніи наблюдалось угрожающее настроеніе крестьянъ. „Происходитъ какая-то пугачевщина — писалъ одинъ помѣщикъ, — по деревнѣ нельзя пройти, не услышавъ угрозы. По сосѣдству сожгли весь хлѣбъ у земскаго начальника; говорятъ, что надѣяться нечего; надо итти самимъ и отобрать землю у богачей. Надъ тѣми, кто еще надѣются и чего-то ждутъ, открыто насмѣхаются и говорятъ: «да, жди!»“

Выводъ помѣщика былъ таковъ: „Надо уѣхать, пока не сожгли и не повѣсили на воротахъ“.

Но оказывается, что въ той же губерніи нѣкоторые крестьяне еще „надѣялись“. Такъ, распланировку одного имѣнія истолковали, какъ исполненіе приказа царя о передачѣ земли крестьянамъ. Но и корреспондентъ, отмѣтившій этотъ фактъ, пишетъ, что во многихъ другихъ мѣстахъ Тамбовской губерніи въ большомъ ходу—аграрный терроръ.

Въ Воронежской губ., въ уѣздахъ: Бобровскомъ, Валуйскомъ, Нижнедѣвицкомъ и Воронежскомъ—наблюдалось сильное броженіе. Появились прокламаціи, крестьяне являются въ помѣщичьи усадьбы и требуютъ добровольно отдать имъ землю, хлѣбъ и скотъ, говоря, что все это принадлежитъ имъ, что объ этомъ пишутъ даже въ книжкахъ, и угрожаютъ, въ случаѣ отказа, сжечь усадьбы и подѣлить землю по-своему. Такой участи подвергся, между прочимъ, помѣщикъ Паренаго, у котораго крестьяне подъ рядъ нѣсколько лѣтъ жгутъ хлѣбъ и сѣно. Въ Новороссійскихъ

[1]) Масловъ, тамъ же.

губерніяхъ, Екатеринославской и Херсонской— началось глухое броженіе: особенно часто слышится вопросъ,—правда ли, что земля отъ помѣщиковъ отойдетъ? А во множествѣ деревень началась настоящая эпидемія поджоговъ.

Въ губерніяхъ юго-западныхъ также замѣчались признаки возбужденія.

„Крестьянскія волненія, пишутъ изъ Волынской губ., повторяются здѣсь, особенно въ теченіе 1902 г., все чаще и чаще, почти не прекращаясь. Были крупныя волненія въ с. Андрушевкѣ Житомірскаго уѣзда, очень много крестьянъ было арестовано. Весной наблюдались волненія возлѣ г. Кременца и почти одновременно въ Новоградволынскомъ уѣздѣ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ прибѣгали къ содѣйствію военныхъ силъ и порки".

Рядомъ съ Полтавщиной, въ губерніи Черниговской „мѣстная администрація не на шутку встревожена все умножающимися фактами аграрныхъ преступленій, главнымъ образомъ, поджоговъ: „мы ни будымо якъ у Полтавія, робыті: воны (т.-е. паны) сами повтикаютъ", увѣряютъ себя и другихъ крестьяне, и дѣйствуютъ „своими средствіями". Въ маѣ мѣсяцѣ 1902 г. въ трехъ деревняхъ Суражскаго уѣзда Черниговской губ. происходитъ усмиреніе крестьянскихъ безпорядковъ".

Волненія вызваны, какъ это было и въ другихъ мѣстахъ, земельной неурядицей, страшной тѣснотой отъ недостатка луговъ и пахотныхъ угодій.

Произошли безпорядки въ имѣніи Черниговскаго губернскаго предводителя дворянства, которые были усмирены войсками.

Губернаторъ въ докладѣ министру указывалъ, что волненія произошли „по причинѣ полной экономической зависимости отъ помѣщика крестьянъ, стѣсненныхъ выпасами и водопоемъ для скота".

Броженіе не ограничилось черноземной Россіей; отмѣчались, правда лишь единичныя и незначительныя, столкновенія въ губерніяхъ Ковенской и Псковской, съ одной стороны, въ Вятской, Пермской и Уфимской, съ другой.

Гораздо болѣе сильныя волненія наблюдались въ губерніяхъ юга-востока, прилегающихъ къ Кавказу, — въ Ставропольской, въ Кубанской области и на самомъ Кавказѣ—въ Гуріи.

Въ Ставропольской имѣли мѣсто стачки сельскохозяйственныхъ рабочихъ, и были случаи приступа къ дѣлежу земли („Освоб." № 12).

„Въ Кубанской области—широкой волной разлились стачки рабочихъ, охватившія громадную территорію, число участниковъ стачки доходило до 10.000 (Листки Жизни „№ 6)".

Наконецъ, въ Гуріи съ 1901 г. началось движеніе, которому суждено было стать, дѣйствительно, массовымъ, организованнымъ, сознательнымъ движеніемъ,—органически сочетавшимъ экономическій и политическій моменты.

Это движеніе особенно интересно потому, что оно, по компетентному мнѣнію П. Маслова, происходило па той же почвѣ, какъ и въ Россіи. „Однѣ и тѣ же причины, говоритъ онъ, вызывали и одинаковыя слѣдствія, и даже одинаковыя формы движенія" [1]).

Въ другой работѣ я писалъ [2]): „Несмотря на различія формъ, содержаніе сельскихъ отношеній въ Гуріи то же, что и въ большей части Россіи".

Громадная масса гурійскаго крестьянства, по своему экономическому положенію, представляетъ изъ себя полупро-

---

[1]) Ibid, 123.

[2]) „Крестьянство и революція въ Россія" стр. 414.

летаріевъ или приближающихся къ нимъ, большинство крестьянскихъ семей не освобождено отъ необходимости посылать своихъ членовъ на заработки въ городъ или отдавать ихъ по найму землевладѣльцамъ.

Такая характеристика положенія гурійской деревни цѣликомъ примѣнима къ общероссійскому крестьянству, и потому понятенъ интересъ къ гурійскому движенію. Въ немъ невольно видѣлось будущее движенія общерусскаго.

Первоначально движеніе въ Гуріи носило чисто [1]) аграрный характеръ. Орудіемъ борьбы служилъ аграрный терроръ, принимавшій все болѣе и болѣе грозный характеръ въ 1901 г.

Въ 1902 г. безпорядки вспыхнули съ новой силой. Крестьяне стали добиваться болѣе льготныхъ условій пользованія землей, предложивъ землевладѣльцамъ получать $^1/_{10}$ урожая вмѣсто $^1/_2$ или $^1/_3$. Послѣдніе не согласились. Начался бойкотъ. Нѣсколько сельскихъ обществъ отказалось отъ всякихъ работъ, всѣ вольно-наемные побросали экономіи, даже прислуга,—въ нѣкоторыхъ мѣстахъ все это сопровождалось поджогами. Сходки крестьянъ, носившія характеръ бурныхъ собраній, скоро перешли изъ Кутаисскаго уѣзда въ сосѣдніе.

О политикѣ и связи ея съ экономикой крестьяне не знали и не думали.

Дворянство рѣшило съ оружіемъ въ рукахъ защищать свою права и свою собственность, и обратилось къ власти. Была обѣщана помощь, и командированы казаки для подавленія движенія. Мѣстами дворяне съ оружіемъ въ рукахъ заставляли работать на своихъ поляхъ.

Послѣ усмиренія до 300 чел. высылается изъ Кутаисской губ. въ Сибирь и въ другія отдаленныя мѣста, а съ крестьянъ взыскиваются убытки помѣщиковъ.

---

[1]) Излагаемъ по Маслову, тамъ же, стр. 425—427.

Репрессіи правительства натолкнули крестьянъ на путь политической борьбы и расчистили путь для усиленія вліянія соціалъ-демократіи.

Соціалъ-демократія использовала результаты политики репрессій, и за репрессіями послѣдовала систематическая, планомѣрная борьба.

Помѣщики, чтобы сломить упорство крестьянъ, пригласили на болѣе льготныхъ арендныхъ условіяхъ мингрельцевъ; но тѣ, по предложенію гурійцевъ, отказались отъ льготныхъ условій и не согласились обрабатывать помѣщичьи земли. Былъ созванъ рядъ собраній, на которыхъ какъ мингрельцы, такъ и имеретины вынесли требованія о пониженіи арендной платы, объ обязательномъ участіи дворянъ въ отбываніи натуральныхъ повинностей.

Солидарность крестьянъ окончательно ошеломила растерявшихся помѣщиковъ, которые и поспѣшили вновь прибѣгнуть къ помощи администраціи. Снова сопротивленія властямъ, усмиренія, аресты и пр...

Здѣсь мы должны закончить обозрѣніе 1902 г.

1903—1904 годы также заслуживаютъ вниманія. Начнемъ съ той же Гуріи, на которой закончили 1902 г. Не вдаваясь въ подробности развитія гурійскаго движенія въ эти годы, движеніе это можно характеризовать такъ: Крестьяне,—всей массой, которой не рѣшались противодѣйствовать даже опредѣленно-буржуазные элементы деревни,—объявили войну и помѣщикамъ, и властямъ. Они прекратили или уменьшили платежи за аренду, отказывались отъ отработокъ, перестали платить подати, не признавали правительственныхъ должностныхъ лицъ, бойкотировали ихъ, создавали свои учрежденія, и, наконецъ, вооружались для предстоящей рѣшительной борьбы. И все это мощное движеніе развивалось въ тѣсномъ единеніи съ городскимъ пролетаріатомъ и его партіей.

Въ области экономической эффектъ массовой борьбы

былъ тотъ, что часть дворянъ пошла на уступки; остальные же дворяне выѣхали изъ Гуріи. Но интересно,—крестьяне не воспользовались оставленнымъ добромъ, не воспользовались и землями [1]).

Въ такомъ положеніи—безъ помѣщиковъ, съ своими судами и администраціей, игнорируя офиціальныя власти—вступили гурійцы въ 1905 годъ.

Нигдѣ въ Россіи движеніе не достигло такихъ результатовъ.

Переходя къ Россіи, мы сохранимъ тотъ же порядокъ губерній, который приняли при изученіи 1902 года.

Въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ движеніе въ 1903—04 годахъ не повторялось. Далеко нельзя этого сказать про Саратовскую губернію.

Въ с. Шепелевкѣ Балашовскаго у. крестьяне примѣнили къ кулаку арендатору бойкотъ: они отказались, почти всѣмъ селомъ, наниматься къ нему на какую-бы то ни было работу. То же, что ему удалось собрать,—въ теченіе нѣсколькихъ ночей погорѣло. Губернаторъ явился въ сопровожденіи 100 казаковъ, которыхъ сейчасъ же размѣстили по избамъ.

Въ с. Ольховкѣ были сожжены 8 помѣщичьихъ домовъ; прибылъ губернаторъ, въ сопровожденіи казаковъ. Въ с. Туркахъ Балашовскаго у. крестьяне успѣли уже сжечь имѣнія нѣсколькихъ помѣщиковъ, въ томъ числѣ и предводителя дворянства. Были расквартированы войска, но и это не помогло. На границѣ Балашовскаго у. и Донской обл., у помѣщика Щуки сожжена была вся усадьба, и самъ онъ былъ избитъ. Въ Петровскомъ у., въ экономіи Устинова, нѣсколько разъ повторялись поджоги. Понятно, почему корреспонденты изъ Саратовской губ. писали: „аграрный терроръ все больше и больше проникаетъ въ деревни нашей губерніи“.

---

[1]) Масловъ, тамъ же, стр. 429.

Въ Воронежскомъ уѣздѣ произошелъ случай захвата крестьянами монастырской земли; столкновеніе окончилось поркой 23 зачинщиковъ.

О волненіяхъ въ Тамбовской губ. свѣдѣній не имѣется, но ея мѣсто заняли сосѣднія: Пензенская, Рязанская и Тульская губерніи. „Тревожное время переживаютъ наши деревни"—пишутъ изъ Пензенской губерніи. „Нынѣшнимъ лѣтомъ поджоги стали чуть ли не ежедневными событіями у насъ. Горятъ молотильные сараи, стоги сѣна, клади ржи и даже хлѣбà на поляхъ.

„Вообще, заключаетъ корреспондентъ, жизнь деревни стала до крайности напряженной, и помѣщики такъ напуганы, что предсказываютъ революцію".

Относительно нѣкоторыхъ случаевъ поджоговъ указываются такіе непосредственные поводы: „Въ одномъ сожгли помѣщика за то, что онъ вновь ввелъ отработки, которыя были отмѣнены въ 1892 г. Въ другомъ причиной служило жестокое обращеніе управляющаго, разъѣзжавшаго съ нагайкой по полямъ и нерѣдко прибѣгавшаго къ ней".

Кромѣ поджоговъ имѣла мѣсто и иная форма борьбы. Въ одномъ селѣ крестьяне сговорились между собою не итти къ помѣщику молотить хлѣбъ. Рѣшеніе было приведено въ исполненіе съ большимъ единодушіемъ.

Въ Тульской губ. крестьяне все чаще отказываются работать на помѣщика; никакіе уговоры не помогаютъ, не помогаютъ и кабальные задатки. Зимой крестьяне ихъ берутъ, но весной все-таки на работу не идутъ... а уходятъ на заработки на югъ.

Въ Рязанской губ. въ Михайловскомъ у. было крупное столкновеніе изъ-за черкесовъ, которыхъ завелъ кн. Гагаринъ. Когда одинъ изъ нихъ убилъ крестьянина, косившаго рожь на границѣ помѣщичьихъ и крестьянскихъ владѣній, то тотчасъ же собралась толпа и отправилась въ

экономію,—въ результатѣ: князь былъ раненъ, одинъ черкесъ убитъ, а часть усадьбы была объята пламенемъ.

Въ малороссійской, Черниговской, губерніи былъ убитъ помѣщикъ Владиміровъ, возбудившій къ себѣ ненависть кулачествомъ, волокитствомъ и грубостью. Тамъ же крестьяне высѣкли помѣщика кн. Урусова.

Въ Нѣжинскомъ у. той же губерніи было около 5000 дес. спорныхъ, на которыя предъявляли права какъ крестьяне села Владыковой Дѣвицы, такъ и помѣщикъ кн. Голицынъ. Владѣлъ землею Голицынъ. Крестьяне примирились съ этимъ фактомъ и стали арендовать эту землю; но когда управляющій сильно возвысилъ арендную плату, то крестьяне, продолжая пользоваться землею, перестали платить. Помѣщикъ надумалъ распродать землю отдѣльными участками, но крестьяне рѣшили протестовать: вышли на спорное поле и запахали его. Немедленно прибылъ исправникъ, но его встрѣтили „непривѣтливо“. На другой день прибылъ уже отрядъ стражниковъ и урядниковъ въ 300 человѣкъ и приступилъ къ обыску. Произошло столкновеніе крестьянъ съ полиціей, послѣ чего прибыли войска... Началась экзекуція и аресты.

Изъ южныхъ губерній въ эти годы напоминала о себѣ Херсонская. Враждебное отношеніе между крестьянами и экономіями достигли своего апогея. Борясь съ крестьянами, экономія, охраняемая цѣлыми штабами объѣздчиковъ, приказчиковъ, ночныхъ сторожей, вооруженныхъ револьверами,—въ отвѣтъ на каждое проявленіе ненависти со стороны крестьянъ, — мститъ имъ систематическими репрессіями. Крестьяне же борются всѣми средствами, исключая поджоговъ, которые, хотя бываютъ, но рѣдко. На первомъ планѣ избіеніе, особенно камнями, всей администраціи усадьбы. Былъ случай, когда за несправедливый расчетъ и ударъ „по мордѣ“, помѣщикъ получилъ два удара топоромъ.

Систематическое вытаптываніе разсады на экономическихъ огородахъ, порча фруктовыхъ деревьевъ никого не поражаютъ. Бывали случаи отравленія свиней и скота. Фраза: „Бачылі, що вамъ було у Полтаві"—стала ходячей. Помѣщики за послѣднее время стали смирнѣе и, обыкновенно, въ случаѣ потравы, весьма скоро возвращаютъ скотъ, не взимая штрафовъ.

Переходя къ юго-западной Россіи, мы встрѣтимся уже съ довольно сильнымъ стачечнымъ движеніемъ. Въ 4 деревняхъ Сквирскаго у. Кіевской губерніи 1-го мая рабочіе устроили забастовку, выставивъ требованіе увеличенія заработной платы. Стачка продолжалась 2 недѣли,—и требованія крестьянъ были удовлетворены. Во время стачки крестьяне помогали другъ другу, кто чѣмъ могъ. Успѣхъ стачки сильно ободрилъ крестьянъ.

Вообще, среди крестьянъ Кіевской губ. отмѣчается сильное броженіе. Во многихъ мѣстахъ крестьяне обращаются съ новыми требованіями по поводу найма на лѣтнія работы. Помѣщикъ старается обходиться при помощи годовыхъ рабочихъ и машинной обработки. На этой почвѣ разгорается ожесточенная борьба. Въ одномъ имѣніи, несмотря на расквартировку роты солдатъ, крестьяне сожгли хлѣбъ, а потомъ и экономію за то, что помѣщикъ не согласился отдать уборку хлѣба за пятый снопъ. Порубки и потравы—обычная вещь, и вообще аграрныя преступленія очень часты. Офиціальное донесеніе, по обычаю, приписывая все дѣятельности тайныхъ агитаторовъ, констатируетъ, что „эта дѣятельность имѣла во многихъ мѣстахъ своимъ результатомъ неповиновеніе крестьянъ властямъ, а равно и поджоги; уничтожены нѣкоторыя частновладѣльческія усадьбы, а также скотъ во многихъ имѣніяхъ".

Изъ сосѣдней Подольской губерніи идутъ такія вѣсти: въ с. Дьяковкѣ Гайсинскаго у. крестьяне упорно бойкоти-

руютъ сосѣдняго помѣщика. Въ теченіе 2—3 лѣтъ они категорически отказывались выходить на работу на помѣщичьи поля, несмотря на повышенную плату. Бойкотъ заставилъ помѣщика разстаться со своимъ имѣніемъ и сдать его купцу-арендатору. Но арендаторъ оказался въ такомъ же положеніи и черезъ 2 года былъ вынужденъ, подъ давленіемъ продолжавшагося бойкота, передать свою арендованную землю въ аренду крестьянамъ с. Дьяковки, что значительно улучшило ихъ экономическое положеніе. Населеніе этой деревни, какъ и большинства окружающихъ, состоитъ изъ штундистовъ, чрезвычайно охотно вступающихъ въ бесѣду и еще охотнѣе читающихъ „хорошую книжку"... Сосѣди дьяковцевъ поражены успѣхомъ ихъ борьбы, и, повидимому, система бойкотированія крупныхъ помѣщиковъ и арендаторовъ стала популярной... Всѣ крестьяне с. Горячевки Ольгопольскаго у. той же губерніи двинулись на усадьбу помѣщика и зажгли ее. Хотя помѣщикъ съ семьею успѣлъ спастись, но усадьба сгорѣла вся, такъ какъ крестьяне не позволили усадебной прислугѣ тушить пожаръ.

Такимъ образомъ, передъ нами прототипъ открытыхъ разгромовъ 1905 года.

Изъ нечерноземной Россіи имѣется всего лишь одно извѣстіе.

Броженіе въ деревняхъ по Бѣлозерскому у. Новгородской губ. разрасталось, благодаря совпаденію невыносимыхъ реальныхъ условій и идейнаго пробужденія крестьянской массы. Когда весной явились сборщики податей и стали требовать платежей, то имъ пришлось натолкнуться на совершенно неожиданный отпоръ: крестьяне деревень Орлово, Ковжа, Мегра, всей Талицкой вол. наотрѣзъ отказались платить какія бы то ни были подати. Никакіе уговоры не подѣйствовали. Тогда появились жан-

дармы. Начались обыски и аресты. У многихъ крестьянъ найдена нелегальная литература.

Окидывая общимъ взглядомъ движеніе 1903-04 г., П. Масловъ говоритъ: „Въ 1903-04 г. уже встрѣчаются почти всѣ формы борьбы, которыя въ болѣе широкихъ размѣрахъ развились въ 1905-06 годы" (тамъ же, стр. 130). Къ этому слѣдуетъ прибавить, что уже въ эти годы опредѣлились характерныя порайонныя различія въ формахъ и цѣляхъ движенія, равно какъ и въ самыхъ размѣрахъ его.

Въ черноземной Россіи, во главѣ съ Поволжьемъ и особенно Саратовской губ., уже назрѣваетъ открытый разгромъ помѣщичьяго хозяйства. На юго-западѣ, особенно въ губ. Кіевской, наряду съ тѣмъ же разгромомъ, еще сильнѣе развивается стачка. Въ Новороссійскихъ губерніяхъ одинаково сильно и то и другое теченіе. Наконецъ, въ нечерноземной Россіи при слабо развитой борьбѣ изъ-за земли наблюдаются случаи порубокъ, а съ другой стороны неплатежъ податей [1]).

Вообще, 1903-04 годы мало отличались отъ 1902 года. Временно выбыли изъ строя жестоко усмиренные полтавцы и харьковцы.

Количественно движеніе 1903-04 г. наблюдалось въ меньшемъ числѣ губерній, а именно въ 10, тогда какъ въ предшествующій годъ—въ 16 изъ 47 губерній Европейской Россіи (безъ Прибалтійскаго края). Что касается Сѣв. Кавказа и Закавказья, то въ послѣдній изъ трактуемыхъ періодовъ оно не повторилось въ Ставропольской губ. и Кубанской

---

[1]) Кромѣ указаннаго въ текстѣ случаѣ въ Новгородской губ., отмѣченъ аналогичный фактъ въ Петербургской губ., гдѣ еще въ 1901 г. въ д. Оголихѣ Гдовскаго у. было оказано сопротивленіе властямъ при сборѣ недоимокъ, а въ Пермской губ. въ 1901-1902 г. происходили битвы въ лѣсу между порубщиками числомъ до 100 чел. и лѣсной стражей.

области Сѣвернаго Кавказа, но зато въ Гуріи, какъ мы уже знаемъ, продолжало развиваться.

Интересно отмѣтить, что повторилось движеніе въ оба періода: сначала въ 1902 г., а затѣмъ въ 1903-04 г.—въ пяти губерніяхъ: Саратовской, Воронежской, Херсонской, Кіевской и Черниговской, т.-е. какъ разъ въ тѣхъ, которыя, какъ знаетъ всякій читавшій газеты, особенно сильно заставляли о себѣ говорить въ періодъ смуты.

Этотъ фактъ и подмѣченныя нами выше порайонныя различія формъ движенія, сохранившіяся и въ послѣдующіе годы, какъ нельзя болѣе ярко показываютъ, что корни крестьянскаго движенія лежатъ въ постоянныхъ условіяхъ хозяйственной жизни, что элементъ случайности, а слѣдовательно и агитація, не играетъ рѣшающей роли.

Этимъ мы закончимъ наше изложеніе фактовъ крестьянской борьбы до революціи. Но мы не исполнили бы своей задачи, если бы не показали, какое вліяніе оказали эти факты на другія общественныя силы.

Въ 1903 г. почти по всей Россіи происходили совѣщанія уѣздныхъ и губернскихъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ. И вотъ какія рѣчи раздавались на нихъ [1]). Въ вольскомъ комитетѣ Г. Граціановъ указывалъ, что „нужда въ землѣ приводитъ къ народнымъ волненіямъ. Земельная тѣснота создаетъ полтавскія и харьковскія народныя смуты и народныя волненія во многихъ другихъ мѣстностяхъ Россіи. Эти факты настолько серьезны и такъ своевременны, что пропускать ихъ или поражаться ими, какъ неожиданностью, нѣтъ основаній“.

Земскій начальникъ Ѳ. Ѳ. Моргенштернъ отмѣчалъ въ томъ же комитетѣ, что нужда крестьянъ велика, малоземелье съ каждымъ годомъ ставитъ крестьянина все въ худ-

---

[1]) С. Н. Прокоповичъ: „Мѣстные люди о нуждахъ Россіи“ стр. 186 и др.

шее положеніе и невольно порождаетъ недовольство, ропотъ и броженіе". Кн. А. Д. Голицынъ свидѣтельствовалъ въ харьковскомъ уѣздномъ комитетѣ, что „вся Россія встрепенулась отъ ужаса и очевидности экономическаго неблагоустройства громаднаго большинства нашего населенія, выразившагося въ угрожающихъ симптомахъ возстанія цѣлыми массами недовольнаго, темнаго, обездоленнаго и почти нищаго крестьянскаго населенія". Аналогичныя рѣчи слышались въ константиноградскомъ, лохвицкомъ, тульскомъ губернскомъ и лебединскомъ комитетахъ. Въ симбирскомъ губернскомъ комитетѣ губернаторъ С. Д. Ржевскій указывалъ, что „населеніе не подготовлено къ борьбѣ съ нищетой и, сознавая свое безсиліе, подъ гнетомъ нужды дѣлается способнымъ воспринимать пропаганду агитаторовъ. Ужасъ харьковскихъ и полтавскихъ безпорядковъ именно въ этомъ и заключался, такъ какъ они доказали, что необезпеченный земледѣлецъ можетъ стать гораздо опаснѣе всякаго пролетарія". Съ этой же точки зрѣнія посмотрѣлъ на крестьянское движеніе предводитель дворянства Н. Д. Юматовъ въ вольскомъ комитетѣ: „не городскіе, не фабричные и даже не столичные безпорядки опасны для государства. Опасность для спокойствія государства глядитъ изъ деревни". Вѣря, что „громадное пространство Россійской Имперіи обезпечиваетъ то, что аграрный вопросъ не можетъ обостриться неожиданно, одновременно на площади всего государства,—что даетъ время правительству принять мѣры къ успокоенію начинающагося движенія",—онъ вмѣстѣ съ тѣмъ сознавалъ, что „то же громадное пространство Россіи угрожаетъ величайшими бѣдствіями, если необходимыя мѣры не поспѣютъ за развитіемъ этого антагонизма". По его предложенію комитетъ принялъ слѣдующую резолюцію: „Разрѣшеніе аграрнаго вопроса является самымъ

необходимымъ, самымъ неотложнымъ и самымъ важнымъ государственнымъ мѣропріятіемъ настоящаго времени“.

Аргументируя тѣми же недавними „печальными событіями въ Полтавской, Харьковской, Саратовской и Воронежской губерніяхъ“, рядъ комитетовъ [1]) высказался за принудительное отчужденіе частновладѣльческихъ земель въ цѣляхъ борьбы съ острыми формами малоземелья, „дабы не довести дѣла до худшаго конца и для народа и для государства“, какъ выразился череповецкій комитетъ [2]). Сознавало опасность положенія и правительство. Замѣстившій убитаго Сипягина, министръ внутреннихъ дѣлъ Плеве въ своей рѣчи къ подчиненнымъ, предназначенной къ опубликованію, торжественно заявилъ: „превыше всѣхъ заботъ нашего времени является задача упорядоченія крестьянскаго дѣла“. Но бывшій директоръ департамента полиціи ни до чего больше не додумался, кромѣ увеличенія сельской полиціи и усиленія административной опеки надъ крестьянскимъ міромъ, опеки міра надъ личностью. Въ правительствѣ образовалось и другое теченіе, представителемъ котораго былъ г. Витте. Опираясь на сельско-хозяйственные комитеты, онъ проектировалъ серьезныя реформы долженствующія обуржуазить русскую деревню. Въ своей „Запискѣ по крестьянскому дѣлу“, составленной въ 1904 г.,

---

[1]) Интересенъ перечень этихъ комитетовъ. Изъ промышленнаго района вынесли это рѣшеніе—кологривскій комитетъ Костромской губ.; судогодскій и юрьевскій Владимирской губерніи, и рузскій Московской губ. Изъ сѣв.-зап. — черниковскій Могил. губ., боровицкій и тихвинскій Новгородской губ. Изъ сѣв.-вост.—осинскій Пермской губ. и елабужскій Вятской губ. Изъ Поволжскихъ—ардатовскій Нижегородской, камышинскій Саратовской. Изъ центр.-землед.—богучарскій Воронежской, елецкій Орловской, сумскій Харьковской. Всего 14 комитетовъ въ 12 губ.

[2]) Прокоповичъ ib, стр. 207.

онъ предложилъ радикально измѣнить курсъ политики по отношенію къ крестьянству, горячо доказывая, что существующая обособленность крестьянства питаетъ „стихійное броженіе“, соглашался съ Чичеринымъ, что уравнительные земельные порядки расшатываютъ понятія о твердости и неприкосновенности правъ собственности и представляютъ самое удобное поприще дли распространенія соціалистическихъ понятій [1]). Вопросъ, конечно, шелъ не о соціализмѣ, а о стремленіи мужика къ помѣщичьей землѣ, и г. Витте, сознававшій, что „земельное утѣсненіе всюду чувствуется“— высказался „за развитіе дѣятельности Крестьянскаго банка, за представленіе права выдѣла изъ общины на отрубные участки“. Кромѣ того, онъ намѣчалъ и рядъ административно-правовыхъ реформъ, долженствовавшихъ уподобить русскую крѣпостническую деревню деревнѣ западно-европейской, а именно: онъ требовалъ уничтоженія крестьянскаго сословнаго самоуправленія съ замѣной его всесословной мелкой земской единицей, упраздненія волостного суда и учрежденія суда образованныхъ и самостоятельныхъ людей, распространенія благъ X т. гражданскихъ законовъ на крестьянъ. Однимъ словомъ, онъ проектировалъ систему тѣхъ мѣропріятій, къ осуществленію которыхъ впослѣдствіи приступилъ г. Столыпинъ. Но тогда г. Витте потерпѣлъ пораженіе, и, добившись только отмѣны круговой поруки, долженъ былъ уступить поле дѣятельности Плеве, наводнившему сельскую Россію арміей стражниковъ.

Не сразу правительство уразумѣло уроки крестьянскаго движенія.

То же приходится сказать и относительно политическихъ партій. Въ 1903 году соціалъ-демократическій съѣздъ

---

[1]) См. С. Ю. Витте „Записка по крестьян. дѣлу“, изд. Общ. Пользы, стр. 83, III, 123 и др.

выработалъ знаменитую отрѣзочную программу, очевидно, не вѣря въ близкую и серьезную крестьянскую борьбу.

И только у отдѣльныхъ лицъ этого направленія встрѣчаемъ ожиданіе въ ближайшемъ будущемъ аграрнаго движенія, въ соотвѣтствіи съ чѣмъ они требовали измѣненія земельной программы. Н. Рязановъ, сознавая, что отъ того или иного отношенія крестьянства къ ожидаемой имъ революціи въ значительной степени будетъ зависѣть самый ея исходъ [1]), находилъ, что необходимо выставить требованіе отчужденія земли у всѣхъ крупныхъ землевладѣльцевъ съ передачей земли въ аренду преимущественно ассоціаціямъ сельскихъ рабочихъ или тѣмъ же крестьянамъ.

Мы отмѣчаемъ мнѣніе Н. Рязанова, какъ исключительное, съ цѣлью показать, что факты возобновившагося крестьянскаго движенія, хотя и медленно, но разрушали сложившееся подъ вліяніемъ пятнадцатилѣтняго затишья въ деревнѣ представленіе о томъ, что крестьянское движеніе—въ прошломъ и только въ прошломъ.

Насколько это представленіе отвѣчало дѣйствительности, мы видѣли изъ изложенныхъ выше фактовъ. Но замѣчательно, что сектантскіе вожди, вышедшіе изъ народа и жившіе съ нимъ одною жизнью, еще до волненій 1902 г. ясно представляли себѣ значеніе земельнаго вопроса въ ожидаемомъ ими общественномъ переворотѣ.

Одинъ новоштундистъ писалъ Бончъ-Бруевичу отъ 19 дек. 1901 г. и 6 февр. 1902 г.

„Если затѣвать революцію, а земля останется частной собственностью, тогда, конечно, не стоитъ и затѣвать ее. Земля—первое и необходимое условіе, котораго народъ долженъ добиваться... Это нужно и рабочимъ объяснить. Если они и

---

[1]) Н. Рязановъ „Къ критикѣ программы Р. С. Д. Р. П.“, изд. 2-ое, стр. 289, 291, 293, 295 и др.

добьются повышенія заработной платы, то это будетъ временно, пока успокоятся умы. А потомъ опять условія жизни измѣнятся, если вмѣсто одного недовольнаго ожидаютъ занять его мѣсто десять человѣкъ. Тогда, какъ могутъ требовать повышенія платы?" („Жизнь", 1902 г., № 1).

Въ этихъ словахъ предвосхищались тѣ идеи, которыя стали достояніемъ массъ въ періодъ 1905—1907 г., и предопредѣлили судьбу народнаго представительства.

Заключеніе.

Мы, по необходимости, бѣгло пробѣжали исторію крестьянскихъ волненій почти за полтора вѣка (1762 - 1904 г.), и можно уже дать опредѣленный отвѣтъ на поставленный въ началѣ очерка вопросъ: представляютъ ли изъ себя крестьянскіе бунты, волненія, безпорядки и пр. и пр. цѣльный и единый, хотя и прерывающійся и претерпѣвающій внутреннія измѣненія историческій процессъ?

Я думаю, что иного отвѣта, какъ утвердительный, дать нельзя.

Съ самаго момента безкровной, но не безвинной [1]) революціи, какъ называлъ проф. Ключевскій переворотъ, доставившій власть Екатеринѣ, началась вѣковая борьба крестьянства съ крѣпостнымъ правомъ (1762-1861 г.), перешедшая затѣмъ въ протестъ противъ условій освобожденія (1861 - 1863 гг.) и, наконецъ, претворившаяся въ борьбу съ послѣдствіями ликвидаціи, съ тѣмъ своеобразнымъ сочетаніемъ растущаго капитализма съ феодализмомъ и полицейской государственностью, которая характеризуетъ еще не пройденную Россіей эпоху, начальная дата которой пріурочивается къ 19 февраля 1861 г., а послѣдняя... теряется въ туманной дали будущаго.

Началось движеніе съ борьбы противъ установленія крѣпостническихъ отношеній, которыя стали складываться въ

---

[1]) Ключевскій разумѣетъ невѣроятное количество выпитаго гвардейцами „зелена вина", изъ-за котораго иски разбирались еще въ царствованіе Александра I.

кончательной формѣ съ воцаренія Екатерины. Возобновившееся черезъ 30 лѣтъ, при Павлѣ, массовое крестьянское движеніе въ большей своей части уже преслѣдовало только цѣли облегченія своего положенія. Но, получивъ его въ ничтожномъ размѣрѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, подвергаясь воздѣйствію развивающагося капитализма и растущей культуры, крестьянство, правда, уже разрозненными, но тѣмъ не менѣе энергичными усиліями повело борьбу за отмѣну крѣпостничества, какъ политическаго института, а въ сферѣ экономической оно боролось за возможность веденія самостоятельнаго хозяйства. Получивъ лишь частичное удовлетвореніе въ отношеніи первой цѣли и не только не достигнувъ второй, но и лишившись значительной доли прежняго земельнаго обезпеченія, крестьяне многихъ мѣстностей отвѣтили на актъ 19 февраля рѣшительнымъ протестомъ, мѣстами объединившимъ крупные районы и многіе десятки тысячъ людей.

Движеніе прекратилось не только потому, что было подавлено механической силой организованнаго государства, но и потому, что получивъ облегченіе отъ непосредственнаго гнета, крестьянство легче могло приспособиться къ новому курсу хозяйственной жизни страны. Въ деревнѣ въ теченіе 15-ти лѣтъ царило внѣшнее затишье, но зато происходилъ глубокій процессъ измѣненія сознанія, появились и развивались соціальныя секты: въ 1877-1884 гг. проявились признаки новаго движенія, но оно было частью задушено, частью погашено уступками, главнымъ же образомъ, ослаблено небывалымъ экономическимъ подъемомъ, вызваннымъ постройкой желѣзныхъ дорогъ, развитіемъ промышленности, хорошими урожаями, паденіемъ хлѣбныхъ цѣнъ. Наступило новое затишье на 10 - 15 лѣтъ. Но съ конца XIX в. крестьянство, а съ нимъ и все русское народное хозяйство, забрело въ тупикъ, и, слѣдовательно, не могла не возобно-

виться борьба за барскія земли, какъ за главное орудіе производства, а съ ней все чаще и чаще стала соединяться борьба за волю, борьба съ полицейскимъ государствомъ, стоявшимъ на стражѣ дворянской собственности.

Послѣдняя изъ разсмотрѣнныхъ выше стадій движенія, волненія 1902 - 1904 годовъ вызваны сложнымъ процессомъ. Съ одной стороны, развивалось крупное производство, но, благодаря примѣненію машинъ,—при пониженной потребности въ рабочей силѣ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, при сохраненіи отработокъ, т.-е. старой „барщинной“ системы; а съ другой,—земля переходила въ руки крестьянъ-собственниковъ, которые землю въ аренду не сдаютъ и нанимаютъ ничтожное число рабочихъ, такъ какъ обрабатываютъ землю, главнымъ образомъ, своей, обычно многочисленной семьей. Рядовой крестьянинъ, слѣдовательно, какъ арендаторъ, лишался земли, а какъ рабочій — заработка въ помѣщичьихъ экономіяхъ.

Выходъ изъ такого положенія могъ бы быть найденъ или въ комбинированіи трехъ взаимно связанныхъ и другъ друга обусловливающихъ процессовъ: въ быстромъ развитіи индустріи, переходѣ крупныхъ владѣльцевъ не только къ технически - усовершенствованному, но и къ интенсивному производству, въ мобилизаціи всей той части земли, которой помѣщики не въ силахъ такъ обработать, въ руки „крѣпкихъ крестьянъ“, въ свою очередь, также интенсифицирующихъ земледѣліе, съ тѣмъ, чтобы освобождающійся отъ земли и мелкаго хозяйства крестьянинъ нашелъ бы себѣ работу въ качествѣ промышленнаго и сельскохозяйственнаго пролетарія. Но для такого выхода данныхъ не было, и крестьяне бросаются добывать себѣ землю, что бы имѣть возможность вести самостоятельное производство.

И только въ тѣхъ районахъ, гдѣ утвердилось крупное батрачеcкое хозяйство, начинается борьба за улучшеніе условій наемнаго сельскохозяйственнаго труда.

Движеніе 1902—1904 г. завершилось крестьянской революціей 1905—1906 годовъ, изученіе которой не входитъ въ нашу задачу. Наша цѣль состояла въ томъ, чтобы объяснить, какъ она подготовлялась, и какія тенденціи заложилъ въ нее долгій историческій процессъ.

Теперь, обозрѣвъ движеніе крестьянства за полтора вѣка мы можемъ опредѣлить эти тенденціи.

Но сначала напомнимъ читателю о тѣхъ воззрѣніяхъ на крестьянина и его роль, которыя господствовали въ русской политической мысли и опредѣляли отношеніе партій къ крестьянскому движенію.

Нѣтъ, кажется, ни одного общественнаго слоя, историческая роль,—какъ, впрочемъ, и самая соціальная природа,—котораго подвергались бы такимъ полярно-противоположнымъ опредѣленіямъ, какъ это было въ отношеніи крестьянства вообще и русскаго крестьянства въ особенности.

Крестьянинъ — прирожденный революціонеръ и соціалистъ. Крестьянинъ—реакціонный мелкій буржуа, главная опора экономическаго застоя и политическаго рабства.

Крестьянство, какъ цѣлое,—фикція; оно раздѣлилось на непримиримо противоположныя группы и поглощено взаимной борьбой между ними.—Крестьянство—проникнуто коллективнымъ, артельно-общиннымъ духомъ, и, стремясь къ землѣ и волѣ, дѣйствуетъ по принципу: всѣ за одного и одинъ за всѣхъ.

Крестьянинъ, какъ мелкій самостоятельный производитель, быстро сходитъ со сцены, исчезаетъ съ лица земли, превращаясь меньшею своею частью въ среднюю буржуазію, а неизмѣримо большею—въ пролетаріатъ [1]). Трудовой

---

[1]) Вл. Ильинъ въ своей книгѣ „Развитіе капитализма" уже десять лѣтъ тому назадъ сосчиталъ, что 20% крестьянскихъ хозяйствъ составляютъ группу вполнѣ оформившейся буржуазіи, а 50% уже пролетаризованы. Остающіеся 30% мелкихъ хозяевъ таютъ, „яко воскъ отъ огня" капитализма.

крестьянинъ успѣшно борется за свое существованіе съ капиталомъ и бариномъ, и стоитъ только измѣнить государственную организацію, выкачивающую изъ него средства, опутывающую его податями и закабаляющую предпринимателю и помѣщику,—какъ настанетъ экономическое и политическое царство мужика.

Таковы предѣльныя понятія, раздѣляющія различныя направленія русской общественно-политической мысли. Немногимъ слабѣе тѣ колебанія въ пониманіи русскаго мужика и оцѣнкѣ крестьянскаго движенія, которыя мы наблюдаемъ во времени, въ предѣлахъ одного и того же направленія.

Народники, начавъ въ 70-хъ годахъ съ хожденія въ народъ, съ твердой вѣрою въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ поднять народъ на соціалистическую революцію, менѣе, чѣмъ черезъ десять лѣтъ, убѣдились въ неподготовленности крестьянской массы къ революціи и перешли къ террористической борьбѣ съ правительствомъ, но при этомъ они разсчитывали, что созванное послѣ паденія самодержавія учредительное собраніе, которое на $^{9}/_{10}$ будетъ состоять изъ крестьянъ, приступитъ къ соціалистическому преобразованію общества. Самодержавіе не пало, учредительное собраніе не собралось, — и крестьянинъ не скоро могъ оживить прежнія упованія народниковъ.

Въ годы, отдѣляющіе XIX вѣкъ отъ XX, появились признаки новаго крестьянскаго движенія; прежніе народники возродились въ видѣ соціалистовъ-революціонеровъ, но съ весьма характерными отличіями отъ своихъ родоначальниковъ: соціалистическое преобразованіе всего общества свелось уже къ „соціализаціи земли“. Такимъ образомъ, отъ мысли о соціалистичности крестьянства пришлось отказаться.

Съ отказа признать соціалистичность крестьянства начало другое изъ разсматриваемыхъ направленій, оформившееся къ 1884 году.

„На вопросъ, нужно ли ему начало соціалистической организаціи, народъ отвѣтилъ бы: нѣтъ, мнѣ этого не нужно“ (Плехановъ „Наши разногласія“, 1884 г.). По отношенію же къ землѣ и къ значенію крестьянскаго движенія для предстоящей буржуазной революціи взгляды „Группы Освобожденія Труда“ были таковы:

„Если бы у насъ установилось народоправленіе, то самодержавный народъ на вопросъ, нужна ли ему земля, и слѣдуетъ ли ее отобрать у помѣщиковъ, отвѣтилъ бы: да, нужна и отобрать ее слѣдуетъ“ (тамъ же, изд. „Новаго Міра“, стр. 250).

По вопросу о томъ, что дѣлать съ отобранною землею, Плехановъ писалъ: „Ну, а если крестьяне, отнявъ земли у крупныхъ землевладѣльцевъ, передѣлятъ ихъ между общинами?“ и отвѣчалъ: „и въ томъ не вижу я бѣды“, — такъ какъ „на какихъ бы началахъ ни произошло в о з с т а н о в л е н і е к р е с т ь я н с к а г о х о з я й с т в а, оно ни въ какомъ случаѣ не поставитъ насъ въ затруднительное положеніе, и ни въ какомъ случаѣ интересы соціалъ-демократіи не пойдутъ въ разрѣзъ съ интересами трудящейся массы, ни въ городѣ, ни въ деревнѣ“ („О задачахъ соціалистовъ въ борьбѣ съ голодомъ“).

Въ серединѣ 90-хъ годовъ, какъ мы знаемъ, взгляды соціалъ-демократовъ радикально измѣнились.

Крестьянство или было сброшено совсѣмъ со счетовъ, или ему приписывались только „реакціонныя поползновенія“. Съ оживленіемъ крестьянскаго движенія на переломѣ между XIX и XX вѣками соціалъ - демократы вновь занялись аграрнымъ вопросомъ.

Но, продолжая скептически и даже опасливо относиться къ крестьянству, они остановились на компромисномъ требованіи возвращенія отрѣзковъ и выкупныхъ платежей, и лишь въ лицѣ отдѣльныхъ представителей оказались болѣе чут-

кими и предвосхитили позицію соціалъ-демократіи въ 1906—1907 годахъ, принятую подъ вліяніемъ небывало-могучаго взрыва крестьянскаго движенія.

Изъ этихъ данныхъ выясняется полная зависимость партійныхъ воззрѣній на крестьянство отъ силы крестьянскаго движенія.

Что же касается принципіальной точки зрѣнія, то предыдущій, по необходимости, схематичный и очень неполный очеркъ, кажется намъ, убѣждаетъ въ томъ, что крестьянство въ теченіе полутора вѣковъ боролось съ помѣщикомъ и охраняющимъ интересы послѣдняго полицейскимъ государствомъ. Во всѣхъ волненіяхъ мы неизмѣнно наталкиваемся на стремленіе получить въ свое распоряженіе землю, какъ основу самостоятельнаго земледѣльческаго хозяйства, и попытки сбросить съ себя опеку „управителя“, будь то крѣпостной баринъ или же его замѣститель—чиновникъ. Это стремленіе нашло свое выраженіе въ лозунгѣ: „земля и воля“, лозунгѣ, который опредѣлилъ знамя первой революціонной партіи новой пореформенной Россіи, и,—послѣ временнаго увяданія, вызваннаго ослабленіемъ крестьянскаго движенія,—оно получило рѣшающее значеніе въ ходѣ и исходѣ соціально-политическаго кризиса 1905—1907 годовъ.

Но тотъ же очеркъ говоритъ намъ, что этотъ лозунгъ выражаетъ собой предѣлъ стремленій крестьянства, опредѣляетъ направленіе послѣднихъ, но не содержаніе конкретныхъ требованій и цѣлей. Отдѣльныя волненія въ каждомъ фазисѣ движенія, и цѣлыя движенія (напр. движеніе при Павлѣ I) характеризуются гораздо болѣе умѣренными цѣлями: ослабленіе экономической нужды и административнаго гнета,—вотъ что двигаетъ часто крестьяниномъ, готовымъ примириться съ основами существующаго строя.

Это теченіе усилилось появившимся съ теченіемъ времени движеніемъ пролетарскимъ, направленнымъ на улуч-

шеніе условій наемнаго труда въ помѣщичьемъ хозяйствѣ, а не на его разрушеніе. Но такой характеръ крестьянское движеніе носило лишь въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ, съ образованіемъ крупныхъ, капиталистическихъ землевладѣльческихъ хозяйствъ и съ измельчаніемъ хозяйствъ крестьянскихъ, главный источникъ существованія сельское населеніе черпало уже изъ продажи рабочей силы.

Въ формахъ борьбы крестьянства можно подмѣтить такую эволюцію: отъ массоваго возстанія черезъ отдѣльные террорическіе акты къ массовому же отказу отъ работъ на помѣщика и отъ неповиновенія чиновнику къ слабымъ, скорѣе демонстративнымъ, чѣмъ разсчитаннымъ на физическую побѣду сопротивленіямъ военной силѣ, заставляющей мужика выполнять его повинности по отношенію къ барину и начальнику.

Положительное осуществленіе своихъ стремленій—захватъ земель и господскаго имущества—крестьяне практиковали сравнительно рѣдко, и только въ 1902—1904 году это явленіе пріобрѣло замѣтное значеніе.

Гораздо болѣе устойчивъ другой моментъ,—это организующая роль „міра", т.-е. сословнаго административнаго крестьянскаго самоуправленія.

Благодаря „мірской" организаціи въ ходѣ движенія удавалось парализовать разнородныя стремленія, обусловленныя экономической дифференціацией, выражавшейся въ томъ, что однѣ группы стремились къ полному осуществленію лозунга „земля и воля", другія готовы были удовлетвориться болѣе умѣренными цѣлями, однѣ—бѣднѣйшія—жаждали „поравненія" безвозмездно конфискованной помѣщичьей земли, другія—болѣе зажиточныя—хотѣли бы распредѣленія земли „по достаткамъ", причемъ ничего не имѣли противъ ея выкупа у теперешнихъ владѣльцевъ, конечно по „божеской" цѣнѣ. Просматривая періоды волненій одинъ за другимъ,

мы съ каждымъ послѣдующимъ періодомъ все чаще и чаще встрѣчаемся съ проявленіемъ этого внутренняго антагонизма, дошедшаго въ 1902—4 годахъ до того, что высшія группы крестьянства явились страдательнымъ объектомъ движенія остальной массы.

Мы допустили бы крупную ошибку, если бы теперь, подводя итоги, не вспомнили о неизмѣнно проявляющейся чертѣ крестьянскихъ волненій: о вѣрѣ въ высшую государственную власть, съ которой связывались всѣ упованія на успѣхъ борьбы. Самая борьба чаще всего возникала подъ вліяніемъ убѣжденія въ томъ, что она совпадаетъ съ волею власти, и поэтому, убѣдившись, что въ данный моментъ власть не съ ними, или не въ силахъ быть съ ними,— крестьяне прерывали свою борьбу и откладывали ее на будущее. Этой чертой, въ значительной мѣрѣ, объясняется сравнительная легкость подавленія крестьянскихъ волненій, и мы имѣемъ очень немногія и очень рѣдкія указанія, даже въ позднѣйшихъ стадіяхъ движенія, на то, что такое воззрѣніе стало измѣняться.

Всѣ эти элементы крестьянской борьбы образовали то историческое наслѣдство, съ которымъ русское крестьянство вступило въ 1905 годъ. Наша тема и состояла въ томъ, чтобы отыскать историческіе корни этого года, составляющаго грань Россіи старой—азіатской, и Россіи новой—европейской.

МОСКВА—1909.
Типографія **Русскаго Товарищества.** Мыльниковъ пер., соб. домъ.
Телефонъ 18-35.